



Серик БАЙХОНОВ

АЛТАЙ – РУБИКОН

Этно-роман

Продолжение. Начало в № 8–10, 2024.

5

По привычке всё виденное сегодня за день толмач-татарин занес в блокнот. Кажется, как говорил проводник, у этих мест есть свои особенности. Не сегодня-завтра пойдут дожди, переходящие в снег. А это чревато возникновением селя. Тогда будет опасно выходить в дорогу, потому что

сель, как смерч, сметет с дороги всё. Не то что людей и мелкий скот, но и крупных животных.

Пока прапорщик у себя в палатке поспешно записывал о метеорологических наблюдениях, Пржевальский и толмач-татарин в глубине юрты, оживленно перешептываясь, остались завершать свои «армейские подсчеты». По словам проводника, до границы, которая начнется с ближайшего перевала, отсюда рукой подать. А посему нужно будет увеличить сегодня количество ночных караулов.

Обеспокоенный за последнее время отсутствием почты, Пржевальский спешил к выходу...

Как ученый, занимающийся истинной наукой, со своей сложившейся жизненной позицией, философией, со своей сложившейся особенной речью в подаче материала, да что там говорить, своим мнением в этнографии, он, если говорить по-простому, с вежливым укором смотрел на своих «коллег», которым иной раз и руки не подал бы. Все труды его направлены не только на возвеличивание русской, славянской культуры, но и на то, чтобы, разорвав наполам сложившиеся веками устои Российской империи, вознести к вершинам новым науку российскую, сделать её известной на весь мир и тем самым возвеличить науку мировую. Разве не на этот алтарь положена жизнь его? Посему должен он положить живот свой и победить в сложном и опасном пути на Тибет, лежащий на стыке двух империй, дабы стала известна миру не только разделяющая эти два мира граница, но и природа, генетика этих людей, населяющих его. Проще говоря, если он не пропустит через призму мировой науки мировоззрение думающих только о своей крови, только о своей нации индивидуумов, то не может считать свою миссию выполненной. Проще говоря...

– Так... короче говоря, начиная с сегодняшнего дня головой отвечаешь за все действия проводника. Глаз с него не спускать! Особенно ночью... Это приказ! Понятно?!

Под ледяным взглядом Пржевальского по спине у толмача пробежал холодок. На цыпочках, пятясь задом, он вышел наружу.

6

Толмач-татарин торопливо проверил гостевую палатку. Там было совершенно пусто, но в центре стоял полуприкрытый казан, в котором побулькивала туша барана. С поверхности бульона пенка даже была не снята.

Со стороны соседней сопки, среди густой зелени, слышались чьи-то то громкие, то стихавшие голоса, переходящие в смех, временами в откровенный хохот, сменяемый шепотом. Кто-то играл на кобызе протяжную и жалобную мелодию.

Спрятавшись среди листвы, он увидел такую картину – на поляне сидело трое: проводник, Харитон и дервиш, которого они посадили по центру и взяли в оборот. Явственно были слышны заунывные звуки кобыза в руках у дервиша.

– Ей, настал ли конец света?.. Появились люди-людишки... Появились подлые правители... Появились бумажки, люди называют их деньгами, от них пользы никакой... Не корова – не подоишь, не коняга – не залезешь... Как жить простому человеку? Вот об этом думаю я денно и ночью... Не настал ли конец света?

– Ох ты зараза... Вот сказал так сказал, сучий ты потрох!

– У меня предок – Кетбуга, прадед – Сарыазбан, дурной дед, сам Бердибай, ты его по пустякам не трогай, скажет – отдай, значит отдай! В небе ждало меня пять испытаний, сорок ножей в меня разом втыкали, сорок иголок мне в тело вонзали, из волос моих только айдар при мне, черного барана я резал во сне. Не согласен я был, заставили согласиться. Лучше бы вовсе мне не родиться. Их зовут черной ночи страшнее калмыки, не хотел бы я с ними в драке столкнуться!

– Ты поосторожнее. Забыл, что этот шурячок знает по-нашенски? Смотри, чтобы он тебя ненароком, того, баксыеке.

– Если будет на то угодно Вечному Синему небу – Тенгри, я закончу свой путь именно так, как он его мне предопределил.

– Эй, откуда ты знаешь, как живется этому сыну шакала, заблудившемуся во мраке неверия? Ты знаешь, о чем ревели твои предки торгауты, когда бежали от победивших их казахов, сколько дождей прошло с тех пор над седым Алтаем? Так поведай же ему об этом.

Зажав снова кобыз меж колен, баксы-шаман прокашлялся и затянул уже другим, более напевным, гортанным голосом свою новую песнь.

– О, благословенные горы мои... Где пришли в этот мир отцы мои... Где мать одела невесты наряд... Мысленно горы расставляю я в ряд... Горька, татарин, судьбина твоя, на бег жеребца похожа она... Позади остались ущелья скал, и в улыбке твоей лишь волчий оскал... Без потомства козы мои не остались, недоеными тёлки мои не остались... Огласились окрестности лаем собак, и эхом от гор унеслись на закат. Как только подули молодые ветра, явилась в долинах весна зелена... Мы пойдем и найдем на земле этот рай... Собьемся с пути – и явится голод в наш край... Э-е-х!

– Ой, пале-ай!.. Но и у Харитона предки тоже были не дураки. Если бы были не храбрецы, то разве перед уходом своим не спалили бы городище Жамиша? Спрятавшиеся в кургане большебородые еле спаслись, вовремя унеся ноги на плотах, мать их ети. Ты знал про эту историю, шурячок?

– Почему не знаю, мои предки не то что какой-то Ямышев-курган, но и сам Пекин-город захватывали когда-то... По высокому повелению белого царя поселившись в степи Астрахани и будучи на службе у него, первыми вошли в Берлин именно наши всадники... Ом мани падмэ-хум...

– Всё-то ты знаешь, тещу твою за ногу. Насчет Аштархана-дастархана не знаю... если всё так удачно сложилось для вас, какого же черта вы на Алтай снова приперлись?

– А что, только калмыки туда-сюда бегают? И казахи, и русские бегают. Если уж рассудить всё, как оно есть, то дорога от Урала до сих мест полна беглыми татарами. Вы не путайте божий дар с яичницей, Мырзаш... Мырзаш Алдиярыч.

– Ах, вот ты как запел, гнилая твоя душонка. Судьба тех русских, что бегут с каторги, и татар, что бегут от призыва в армию, нам знакома. А те найманы, которые пришли сюда из Коканда и берегов Сырдарьи, по сути дела, возвращаются на свою прародину. К отеческим гробам, к родовым пепелищам и к своим традициям. Ты лучше послушай, о чем я тебе скажу. Драчливые найманские джигиты, переселившиеся из Коканда, явились как-то в аул к местным калмыкам и давай там бузить. Наши старики из племени сарыжомарт еле их разняли и сказали: «Калмыки, живущие в таких же юртах, накрытых кошмой, и делившие с нами пищу и кров, стали нам сватами, а значит, своими на этой земле», – и за богатым дастарханом дали всем свое благословение. Теперь эти самые калмыки ходят повсюду и везде бахвалятся, что они найманы, а среди них сарыжомарты. Вот так-то, тещу твою плетью под зад.

– Назвался сватом, терпи и пряника с кнутом, так вроде говорят, – сказал, встречая в беседу, дервиш, – девка на выданье всегда прибиток.

– Да нет, наверное, на земле таких мест, где не кочевали бы твои деды и бабки, а, шурячок? Вот одна и в нашем доме хозяйничает... Я-то что, я ничего, вон половина тех, кто жил в Калмаккоргане, остались здесь, и только половина ушла на ту сторону. Да ты и сам знаешь. Так вот, их, плосколицых девчонок, расхватали местные баи. Если хочешь знать, калмаки, прибудившиеся к найманам, живут нынче и у жалайыров, и у албан. Мало того, спроси их, кто они, так начинают испуганно бить себя в грудь, глядишь, она вот-вот проломится, и гордо заявляют, что они самые настоящие казахи...

Дервиш отложил свой кобыз в сторонку и присоединился к их разговору.

– У тебя бабка была знатная, Карлыгой звали, одним словом, недюжинная сила обладала эта удивительная женщина. Будем живы-здоровы, я тебе поведаю былинку о том, как мой дед Кобланды взял младшей женой твою бабку Карлыгу¹...

Неожиданно откуда-то снизу донесся топот коней. Все трое, увлеченные беседой, разом повскакивали со своих мест, продрались сквозь заросли и уселись возле кострища.

Верховые тем временем спешили и направились к ним. Увидев скорчившегося возле кострища дервиша, толстозадый начальник таможни сверзился² с лошади и посмотрел на него, как на прокаженного.

– Он откуда, паскуда?! Вчерась только на базаре в Усть-Каменной видел его...

– Так с утра он здесь... утром... утром, ваше... ваше... Эй, отработывай свой хлеб, мать вашу, переводы...

– Говорит, «с утра», Ваше благородие. С раннего, раннего утра здесь...

– Чудеса да и только, татарин...

– Этот дервиш – бахсы... Ваше благородие... для них сто верст в одну ночь преодолеть не составляет труда.

– Отставить! Какой такой бакчи?! Сыщик это! Запереть его нужно, паскуду!

Начальник таможни схватил в охапку бедолагу дервиша и потащил, как тюк тряпья, в шатер. Увидев вышедшего на шум генерала, он отпустил бедолагу и метнулся к начальнику, на ходу козыряя по-военному.

– Разрешите доложить! Доставили почту, Ваше благородие...

¹ Здесь упоминаются персонажи эпоса «Кобланды батыр»: Кобланды из племени кипчак и его возлюбленная Карлыга.

² То есть с трудом слез с лошади.

– Этот что, тоже почтой прибыл? – кивнув на дервиша, спросил Пржевальский.

– Сыщик!.. Его, паскуду, закрыть надобно!

Вокруг них начали собираться казаки, к тому времени успевшие разгрузить тарантас от ящиков и баулов.

– Их не удержишь в тюрьме, Ваше благородие. Разве только посадить в один из этих ящиков да забить... – сказал толмач-татарин, указав на один из лежащих раскрытых ящиков.

– Руки!.. Прочь руки!

Словно ужаленный змеей, начальник таможни подскочил к толмачу-татарину, который пытался открыть один из ящиков, и увесистой оплеухой сбил его с ног.

– Отставить! Что вы себе позволяете, поручик?

Начальник таможни начал что-то шептать на ухо Пржевальскому.

– Секретно?! Что за секрет! Какой еще такой секретный ящик?.. Откуда, говоришь? Из Сибири? А ну-ка, тащи его в шатер. Мигом! А остальное можете доставить в лагерь.

Слышавший всё это Харитон тут же вскрыл один из ящиков. Оттуда показались высокие горлышки бутылок. Во втором ящике открылась та же картина. Казаки весело загалдели.

– Виват, поручик!..

– Виват, Ваше благородие!..

– На кой ляд им столько бутылки? – вопрошал коренастый казах. – Нам и везти-то не на чем столько бутылок. Ты почему, бес тебе в печенку, не говоришь им, что впереди нас ждут опасные перевалы?

– Да ладно тебе, Мырзеке... Где ты видел, чтобы у русских водка оставалась про запас?

Расстроенный, что доставленный издалека сюрприз не удался, начальник таможни при виде содержимого остальных ящиков воодушевился.

– Разрешите доложить?.. Но за добрую весть награда полагается...

Торопливо достав из кармана смятую бумагу, наспех разгладил её и стал торопливо читать.

– «В музее Российской Академии наук в граде Санкт-Петербург зоолог Поляков, дав описание единственного экземпляра дикой лошади, выставленной в экспозиции, назвал сию лошадь именем великого путешественника, исследователя и изыскателя Николая Пржевальского. Дикая лошадь, лишь на первый взгляд напоминающая осла, на самом деле является отдельным видом, и это определяется следующими особенностями.... так.. так... а да, вот... крепкая плотная конституция с хорошо развитыми костяком и мускулатурой, компактное телосложение, плотная кожа, малая оброслость гривы, хвоста и щеток. Голова большая, уши маленькие, заостренные, подвижные, глаза небольшие. Шея прямая и толстая. Холка слабо выражена, спина недлинная, прямая, круп овальной формы, хорошо обмускулен, грудь довольно широкая и глубокая. Копыта крепкие, правильной формы, конечности имеют нормальный постанов. Роговая стенка копыт блестящая, ровная, стрелка хорошо развита, полная, рог подошвы упругий, гладкий, без углублений. Формат тела близок к квадрату. Таким образом, несмотря на мелкий калибр, по общему телосложению дикая лошадь заметно отличается от местных пород. Масть саврасая – песчано-желтая с темными конечностями, гривой и хвостом. Вдоль спины от холки до хвоста – темный ремень. Грива короткая, стоячая, без челки, темная с рыжеватыми волосами цвета основной масти у основания. Таким образом, это со-

вершеннейше новый вид лошади. По описанию это промежуточный вид между ослами и домашней лошадьё. Возможно, эта лошадь и стоит в начале цепочки эволюционного развития домашней лошади, с течением времени растерявшей свои особенности в результате селекции и одомашнивания...» Вот так! С вас причитается... Так и прописано, новый вид лошади. Виват, Ваше высочество!

– Виват, виват!

– У-ра! У-ра! У-ра!

– Настоящий сюрприз еще впереди, Ваше благородие. Вам из казны выделена премия в размере пятиста целковых... Чистым серебром. А еще есть гостинцы для членов экспедиции.

– Гостинцы! По такому случаю выпить не грех!

– По такому случаю не буду вам мешать... А пятьсот целковых поделить поровну между всеми, – распорядился Пржевальский.

Громогласное «Ура!» потрясло окрестные горы и еще долго гуляло эхом.

Роборовский одернул руку от груди, побледнел:

– Лавина!.. Накличут они лавину на наши головы! – и опасно оглядел окрестные горы.

7

Покинув незаметно круг веселящихся казаков, вдвоем они прошли в юрту и сели за письменный стол, стоящий в углу.

– Прошу доложить! Но только правду, – почти шепотом сказал Пржевальский.

– Дела наши не очень, по правде сказать. Есть повеление не пропускать через границу туземцев магометанского толку.

– Что же тут плохого, поручик?

– Так у нас в Шемонаихе и Бородулихе для своих переселенцев из России-матушки земли не хватает, а здесь из Коканда да Перовска прут и прут, Ваше благородие... прут и прут.

– Кто?.. Кто прет-то?

– Казахи... Да и татар среди них немало. Ежели так далее пойдет, на Алтае земли не останется, Ваше высочество.

– Кто еще прибывает? Что с моим давешним поручением?.. Я про того кавказца спрашиваю.

– За... Заман-бек кажется? Я его по вашему приказу назавтра же сыскал. Но по распоряжению губернатора вынужден был отпустить на волю.

– Не ведаешь, где он сейчас?

– Да где-нибудь поблизости ошивается.

Сердце учащенно забилося при этих вестях. Может, это наблюдение за ним установлено? Может, начальнику таможни... толмачу-татарину... да и Алдиярычу веры нет...

Торопливо распрощался с начальником таможни. Выходя из шатра, тот то и дело косил взглядом в сторону ящика в углу.

«Так, значит. Может у него есть секретное задание для выполнения именно на той стороне... Когда они достигнут Кульджи и Шауешека», – подумал он вслух.

Проводив поручика, Пржевальский снова сел за стол, торопясь занести на бумагу всё, что случилось сегодня. Достав из шкатулки дневник, открыл его и задумался.

Новость из Санкт-Петербурга, связанная с дикой лошадьё, на миг согрела грудь. Да, это надо записать. Стал торопливо заносить в дневник.

В сравнении с географическими справками и терминами его познания в терминах биологических были не столь обширны. Вот и в тот раз, когда он отправлял шкуру дикой лошади в Санкт-Петербург, выказывал стеснения в подборе научных терминов для описания. Кроме шкуры в его руках ничего не было, и, не видя редко встречающуюся лошадь в её естественной среде обитания, трудно было дать описание. Это вызывало крайнее затруднение. Тут еще описание Поляковым мечты его, дикой лошади, также приводит к размышлениям. Спасибо ему за его труд, где он также солидарен с ним, что дикая лошадь это не тарпан, не дикий кулан, в конце концов не прирученный мул и даже не дикий осел, а именно что отдельный вид. Но тогда стилистика подготовленного им научного отчета не имеет уже значения.

Покопавшись в стоящем в углу дорожном сундуке, вытащил на свет «Вестник Императорского географического общества». Здесь было данное им описание окраса дикой лошади в его первое путешествие на Лобнор, где он пишет, что она пепельного окраса. Да, вот. Всё правильно. И Поляков соглашается, что посланная ему шкура пепельного цвета. Но он заметил и пестрых животных среди увиденного им издали табуна. Значит, увиденные им особи – ни ослы, ни куланы, ни мулы. Если брать во внимание их разномастность, это лошади, настоящие лошади. А с сегодняшнего дня его личная, имени Его высокопревосходительства Пржевальского, лошадь.

Поймал себя на мысли, что это обстоятельство крайне греет ему душу. Но что-то всё же настораживало, удовлетворение не было полным.

Целый вид назвали в его честь. Но ведь это, простите, не те ли дикие лошади, что ушли на ту сторону Алтая еще во времена бесконечных войн между казаками и калмыками? Еще вчера они мирно паслись в Зайсанской котловине между Шоргой и Кокпектинской долиной. Получается, светило мировой науки – Николай Пржевальский нагло присвоил себе право на поименование этой лошади, отобрав его у туземцев. Возможно, где-то на просторах земли есть другие, безымянные твари, которым стоило присвоить его имя... Пржевальский и лошадь... Лошадь и он. Кто же первый в этой длинной цепочке?

Императорское географическое общество за одну шкуру этой таинственной лошади выделило ему пятьсот целковых. Целых пятьсот! Ведомство никогда не жалело средств на изыскания такого рода, но здесь такая премия... Много это или мало? Если считать, что за шкуру отдана стоимость целого коня – много. А если мерить его ежедневным риском – мало. Сколько он сделал научных открытий в своих непрерывных скитаниях по земному шару. Среди них и оцененные по достоинству, и зарытые под сукно деяния его, оставленные без внимания. Сказать по правде, некоторые из этих открытий он без сожаления перенаправлял своим верным спутникам, хотя и слышал за спиной нарекания по этому поводу. И то правда, в среде высшего ученого света многие не признавали его за своего, а именовали всего лишь странником-путешественником, а за глаза называли даже «профессиональным охотником». Многие судят по записям в дневниках, по торопливым дорожным наброскам, писанным часто «на коленке», по иногда корявому стилю изложения. Тем не менее, восхваляя манеру написания, они возвели его в ранг писателя очерков. Всё это он знает. Многоуважаемое европейское общество и русское дворянство, несомненно, уважают в нем путешественника и писателя, но сам себя, в пику им, он прежде всего почитает за профессионального ученого. И только затем... Поймал себя на мысли – «военного разведчика» – и осекся.

Пржевальский не переносил те дни, которые приходилось, насилуя свою волю, проводить, разбирая древние манускрипты и пожелтевшие бумаги в

стенах Центрального хранилища каменного города, пропитанных запахом чадающих масляных светильников, пропахших могильным тленом и удушьем времени. Может быть, поэтому его перо было столь острым, а стиль изящным, что в них не было этой «пыли времен»? Ему доставляло гораздо больше удовольствия изучать и описывать во время экспедиций с научной точки зрения что-то новое, а паче того зарисовать это на бумаге. Ежели его не признает ни общество путешественников, ни политиков, то нужно писать. Да, писать. И если писать, то не как его коллеги, нагромождая факты, а писать сердцем, выливая на бумагу свои думы и чаяния. Потому как... чем сто раз услышать, лучше один раз прочитать... нет, нет... лучше один раз увидеть. Так как всё, что написал ученый-историк, политик, путешественник, увидевший всё своими глазами – истина. Не помнит, от кого он слышал, от туземцев, кажется: «Вершины, на которую взлетел беркут, достигнет и ползущая змея». Да... до вершины, на которую взлетел орел...

Пржевальский и сам не заметил, как вновь вскочил и снова начал мерять шагами окружность жилища своего. В этот раз он не ошибся. Лошади, которых он видел в своей Лобнорской экспедиции, были ни белыми, ни пестрыми, они были пепельного цвета.

Да, точно так. В своих дорогах по Центральной Азии, излазив немало скал, месяцами пересекая пустыни, ему всего два раза посчастливилось увидеть этих пепельного цвета, растворенных в далекой дымке диких лошадей. И то лишь краешком глаза. А в науке самое главное – конкретика, точное научное обоснование. Что бы сказали сейчас друзья, почитающие его за непререкаемый авторитет, да суетливое научное общество, кабы прознали, что он не только не поймал своими руками это дикое животное, но и шкуру его перекупил у скотокрада-казаха?..

Ходил туда-сюда, передумал все думы, а мысли всё возвращались к дикой лошади. До самых первых петухов позачеркал всё написанное, а всё не мог успокоиться.

Неожиданно остановил свой взгляд на ящике с красной полоской, стоящий в углу. Еще один подарочек из Усть-Каменной. Мысли снова зароились в голове и разбежались в разные стороны.

Как бы не все секреты лежали бы именно в этом сокровенном ящике? Ведь не все его заслуги перед мировой наукой измеряются припаренными шкурами животных и гербариями растений, а также дикой лошадей или диким верблюдом. Если Бог не обошел его своей милостью, то и батюшка царь ведь благоволит к нему?

Дрожащими от волнения руками открыл ящик, увидел на самом дне стоящие к ряду кожаные бутылки. Всё еще непослушными пальцами развернул прилепленную аккуратно с краю на внутренней стороне крышки запечатанную сургучом бумагу. «После прочтения сжечь». Чертежи и инструкции. Медицинские пояснения. Прочел всё быстро и внимательно, подошедши к свету на входе. «Из Сибири?! Сибирская язва! Что за ужас! Боже мой! В чем люди-то виноваты?.. Бактериологическое оружие, которое только-только появилось в Европе, а теперь уже и здесь, на краю света – в Азии?! Вот это новость!.. Не новость, а гадость какая-то!»

«Ведают ли об этом Его величество и великий князь?.. Если знают, то почему не берут во внимание, что независимость Восточного Туркестана, находящегося между Поднебесной империей и Россией, жизненно необходима обеим сторонам? Что хорошего, если завтра на этих просторах, именуемых Евразией, лицом к лицу останутся только русский медведь и ханьский дракон-айдахар?

То и дело посматривая на стоящий поперек угла ящик с красной полоской как на воплощение адского пламени, с трудом унял бешено бьющееся сердце.

8

Пересекши земли, где уже бушевала всю ярким по-южному цветением своим весна, достигли Аягузского острога и нарвались на плотный, по пояс снежный покров. Здесь узнав, что перевал Тарбагатай и кружной путь через перевал Байбура, находившиеся всего в одном переходе между острогом и Зайсаном, также закрыты для проезда и завалены снегом, переменили направление на Семипалаты.

Сейчас Пржевальский не жалел, что в ожидании потепления задержался на целую неделю в Семипалатинске – городе на стыке девяти дорог. Хотя вначале и был недоволен своим фактом. А его записи о том, что произошло с ним в дороге между Усть-Каменной и Семипалатинском, сравнивает с нашумевшими на всю Россию записками своего друга-демократа о путешествии из Москвы до Санкт-Петербурга. Хотя увиденные им напасти по сравнению с записками его друга, болеющего «народовольческой» болезнью... прости, Господи. Так вот, если написать обо всём правду, то смело можно примерять на себя одежду Радищева, и уж точно дорога за границу ему будет заказана надолго. Всё, что видел, и всё, что творилось с ним по молодости, в лихие года его, сразу бы вывели прямо в Сибирь или Уссурийскую тайгу, далеко не в ранге путешественника. Прости мя, грешного...

Приведя в порядок свои мысли после нелегкой дороги, отдохнув не столько приученным к лишениям телом, а сколько мятущейся душой... делать нечего, отправились в путь, пересекли Калбинские горы и вышли к лежащей перед ними просторной Кокпектинской долине. Отсюда до озера Зайсан было уже рукой подать.

Но надежда пересечь озеро по зеркальной водной глади была похоронена на корню. Несмотря на середину марта, поверхность озера еще была намертво схвачена ледяным обручем. В прошлые годы в такую же весеннюю распутицу рыбаки выходили на лед и проваливались по самую голову. Русские крестьяне и рыбаки-татары, живущие на станции Кокпекты, сказали, что они вот уже три месяца не выходят на лед. Толщина замороженной воды достигала в некоторых местах до полуметра. А посему, разбивши в кровь руки, до изнеможения утрудившись в попытках пробить лед, рыбаки зашхерились по своим норам, как медведи в спячку, и не спеша допивали остатки зимнего самогона.

Направившись в сторону Чарска, лишь через неделю изматывающего пути уткнулись носом в Зайсан. К тому времени он приобрел вид довольно-таки приличного городка. Он встретил их струйками дымящихся печных труб, от которых посреди всего этого белого снежного безмолвия измохратившимся донельзя путникам повеяло домашним уютом и теплом.

В этот раз опять опоздали. Хоть и достигли они места назначения по установленному им графику вовремя, но... Но нельзя было смотреть без жалости на его спутников, убродившихся по такой дороге. Вид их был жалок.

Чего не скажешь о житие местных казачков. Если сравнивать их с кокпектинскими сидельцами-рыбаками, то казаки жили здесь просто припеваючи, на широкую ногу. В заваленном по самые крыши городке, спрятавшемся в укромном уголке гор, в домах было сытно и баско.

На скотных дворах, одетых, словно в меховые шапки, в здоровенные стожины сена, стояло, подметая выменем стойла, по пяток, а то и с десятков коров. Вершины стогов, которые всё лето собирались на заднем дворе с помощью

нанимаемых в работники казахов, обвалились, подъедаемые снизу скотиной. В каждом доме молоканка – сепаратор для переработки молока. В ожидании, когда сойдет ледяной покров с Иртыша, рядами, словно жирные гуси, стоят у купцов деревянные бочки, полные янтарного, желтого, назревшего масла.

На память пришло писанное в «Семипалатинских ведомостях»: «Всё это от сочности трав наших. Жирность молока, даваемого нашими коровами, очень висока. В среднем 4,5 процента, иногда 6-7 процентов достигает, отсюда и выработка масла из него больше. Для производства одного пуда масла у нас затрачивают двадцать один пуд молока. А Дания, что закупает у нас масло, на своих заводах для производства того же пуда масла затрачивает двадцать семь пудов молока». Так что Пржевальский не сильно был удивлен зажиточностью местных жителей.

Помнится, в тот раз, чтобы, отчасти, развеять скуку – неизменную спутницу безделья, отчасти дабы проверить достанные из оружейной винтовки, погнав всех на охоту. Через верного Харитона вызвал к себе Алдиярыча.

– Всё ж таки тебе выпал почин начать большую охоту. Как смотришь на это? Как прошлый раз на Уйдене, помнишь, подстрелим марала да потешим желудки свежатиной, а, батыр?

– Была бы девка на выданье, а мы завсегда готовы. Но, думаю, придется с той стороны гнать, при нынешних морозах, боюсь, на этой стороне дичи не осталось, – говорил, как бы рассуждая, Мырзаш, а сам всё косился на пятизарядку.

Слова проводника получили свое подтверждение в первый день охоты, когда они, надев на ноги широкие охотничьи лыжи, вышли на простор. Снежный покров, прихваченный морозцем, сверкал под яркими солнечными лучами тысячами рассыпанных бриллиантов; сколько ни вглядывались в него, за целый день ни встретили ни одного звериного следа. Ближе к вечеру, от безысходности, при всеобщем согласии, повернули к реке Уйдене, к лежащим в её пойме чащам.

Тугаи, обычно шумевшие ранее в такое время года от пиршества живности, встретили их безмолвием. Меж переплетенных ветвей и у корневищ на белом покрывале снега лежали тушки больших и малых застывших пташек. А меж ними... провалившиеся по шею тела лесных великанов-маралов, облепленные сворой голодных ворон. Раскинув ветвистые рога, обледеневшие, словно статуи, они стояли в плену цепких лап смерти, и лишь только причудливые рога как бы говорили: «Вот это мы, гордость Алтая...» Судя по всему, животные давно перестали бороться за жизнь, они стояли, понутив головы, казалось, что они вот-вот начнут искать подножный корм. Чрезвычайно истощенные, замерли они, прижав шеи к снежному насту. Охотники явственно уловили их учащенное дыхание. Приблизившись к одному из них, он ткнул рукояткой камчи. Животное, впаянное в снежный плен, наклонилось набок и, раскинув четыре ноги в разные стороны, грохнулось на ледяной панцирь.

На населенном казахами побережье Иртыша ничего не изменилось. И не только за три прошедших года, но и за сто пятьдесят лет с тех пор, как они вошли в состав великой Российской империи. А в Зайсане, где полным-полно татарских купцов, жизнь кипела вовсю. Море разливанное духанов. А в усеянном мужиками Зайсане еды-то вдоволь. Коров и свиней не счесть, лошади и верблюды в качестве гужевого транспорта им и без надобности.

Прямо перед тем как пуститься в путь, проводник-казах сказал ему о том, что у лошадей появилась опухоль. Эта опухоль, если он не запомнит, может поражать лошадей и верблюдов. От местных купцов Пржевальский слышал, что на той стороне Чиликтов в местечке Майлы есть несколько богатеев, что держат верблюдов. Он послал проводника купить верблюдов, а в пристежку к нему дал начальника таможни Зайсана.

– При самом плохом раскладе мне нужно двадцать верблюдов. Ей-богу, заплатим чистым серебром, – строго наказывал он им. – Ежели не согласятся, то привозите их сюда, запрем в темную.

Через неделю они вернулись, ведя в поводу с десятков верблюдов, с виду худющих как смерть. Увидев их, путешественник ужаснулся.

Глядя на всю эту суету, Алдиярыч спросил:

– На что вообще всё это нужно? Бросить, и вся недолга, – указал он на лежащие под лабазом шатры.

– А Его высокородие что? Под открытым небом почивать будут?

– Твой высокородие что, дикий тангут какой-то, чтобы зимой и летом спать в драном шатре, есерсок? Юрта же есть!..

В бытность свою в крепости Верный Пржевальский уже видел эти красивые жилища, усеявшие предгорья и близкие урочища. Будучи во внутренней Монголии, он слышал, что урянхайские казахи проводят в этих жилищах и лето, и зиму. Безмерно удивленный, он только поцокал языком. Да и в Семее его угощали в таком же жилище, но только огромном – в соединенных двух юртах.

– Мы тут лошадей и верблюдов найти не можем, где же тебе юрту откопаем?

– Я тебе, начальник, говорю не о восьмикрылой юрте, а нам надобно-то всего четыре, четыре крыла... маленькую. Большую юрту при сильном ветре унесет к чертовой матери, а маленькая устоит. Что нам и надо. И поднимет её один верблюд. Когда будешь под палящим солнцем Алашаня жариться, как вошь на сквороде, вот тогда, развернув половицы кереге этой юрты... ех, и попомнишь меня добрым словом...

Видя, с каким сомнением смотрит Пржевальский на доставленных им верблюдов, Мырзаш не на шутку взбеленился:

– Мы на Лобнор с тобой всего с пятью верблюдами ходили... Нынче, в такую бескормицу, двадцать верблюдов – это ведь калым за пятерых невест, дурья твоя башка. Когда под рукой дармовые лошади есть, за каким лешим тебе еще верблюды нужны? На ту сторону перейдем, там будут дармовые лошаки и эти... как их... а, да, яки. Яков найдем!

– До Лобнора дойти тоже не через дорогу перескочить. Где мы, а где – Тибет, Мырзеке? – покачал головой толмач-татарин.

– Ты так свистишь, как будто каждый день в Тибет на гулянку ходишь, придурок, – окрысился на толмача Мырзаш.

– Верблюды нужны. На кого мы будем грузить фляги с водой, ящики с оборудованием? – не отставал от него толмач-татарин.

– Зачем ты собираешься на скотину громоздить эти железяки, голова твоя чугунная? Есть же коржуны – обычные переметные сумы, дерьма ты кусок.

– А воду, воду куда наливать?

– В бурдюки, хвороба тебе в печень, в бурдюки, бурдюки из кожи, только маленькие.

– Так вода в них протухнет?

– Протухнет, прокиснет, так еще лучше, умалишенный мой... в дорогу не воду, а молоко будем брать, оно, прокиснув, превратится в айран, а кобылье молоко в кумыс обернется, верблюжье молоко в шубат. Если шубат прокиснет, еще лучше, будет – кымыран. Выпьешь и... понеслась душа в рай. Это же лучше, чем ваша вонючая водка, мать твою... хе-хе-хе.

Пржевальский прекрасно понимал проводника, не признававшего никого, кроме лошадей. И, конечно же, оценил его советы, но за глаза поддержал своих спутников.

– Не водку берем, а чистейший спирт, Алдиярыч. Вот так. То, что развязывает языки многим, даже немым. Спирт не трогай. Так вот... – сказал он, усмехаясь в свои кустистые усищи.

В тот раз, смех смехом, но, несмотря на возмущение казаков, Пржевальский распорядился сократить количество спиртного в пользу ящиков с огневыми припасами. Запасные ружья и патроны он старался в дороге держать поближе к себе, храня их в соседнем шатре. И сейчас, глядя на стоящие возле шатра ящики с припасами, мысленно унесся далеко-далеко отсюда.

Зная, что сон не возьмет его до утра, Пржевальский зашел в юрту и, взяв дорожные записи, вышел на воздух. Вначале занес на бумагу свои новые и всплывшие наружу мысли, свои размышления об истинных детях природы, народах, свободно кочующих в пределах Средней Азии. Затем, по многолетней, въевшейся в кровь старой привычке, скрупулезно проанализировал всё написанное об увиденном и услышанном.

Прочитав свои, переплетенные образами, записи, оценив их с точки зрения научности, сделал выводы, что они сделали бы честь не только для его дневника, но и и сгодились бы для художественного издания. Остался доволен собой.

Всё, что он увидел сегодня, влило какое-то умиротворение в его душу, как-то даже полегчало мятущемуся уму его.

Глава пятая

ЗА ПЕРЕВАЛОМ – ПЕРЕВАЛ

1

Пржевальский, в который раз оценивая возможности экспедиции, разглядывал с высоты скалы свой караван, медленно идущий вереницей среди гор.

Вид каравана, в самом деле, был жалок. Впереди процессии шел огромный, как баркас, сивый жеребец. На нем восседал квадратный казах-проводник, и Пржевальский мог видеть лишь его толстый, как бревно, затылок. В такт езде, под мышкой проводника с плеча свисал ремень, на котором болталась короткая пика. Покачиваясь в полудреме, он, скорее всего, как обычно, напевал что-то себе под нос.

Если бы до этого дня кто-либо сказал путешественнику, что есть на свете настолько необычный и своеобразный человек, как этот, он бы ни за что не поверил. Три года как его знает, и каждый раз, каждый день проводник предстает перед ним в новом облике. То певец, то разделыватель барана, то рассказчик, то знаток местной природы, следопыт, предсказатель погоды, умелый охотник. А долгими летними вечерами Мырзаш Алдиярыч, подыгрывая себе на домбре, рассказывал длинные-предлинные эпические поэмы, в которых казахские батыры сражались со своими вечными врагами калмыками. Когда бы он ни посмотрел на этого казаха, тот пребывал постоянно в таком вот напевно-беззаботном состоянии. Знай себе напевал что-то, понятное лишь ему одному. При этом ни ему, ни его собратьям – хозяевам этой обширной и богатой лесом и зверем земли, было невдомек, что на материке, на всем евразийском континенте именно в эти дни и недели идет большая дележка территорий, определяются границы влияния великих государств – России, Китая и Великобритании. Ох уж эти англичане, куда они только не влезут... Им Индии мало...

Пржевальский чувствовал, что безмятежен и равнодушен не один лишь проводник, но и лениво плетущийся за ним волкодав-тобет. Этого пса он приобрел во время путешествия к озеру Лобнор у неизвестно какого по нации ту-

земца... не за деньги, в обмен на зеркальце. Покупать-то его Пржевальский не думал, потому что пес этот ему не понравился, но уж очень сильно привязался к нему проводник. Четвероногий проглот, которому никакая еда не шла впрок, жрал без меры, негодный. Туземец, продававший его, сразу же честно признался: «Это не бойцовая собака, крика человеческого боится».

Несмотря на свои внушительные размеры, тобет и впрямь оказался очень пугливым. Стоило ему услышать ружейный выстрел или человеческий крик, тут же убежал и прятался, где это было возможно. Хозяин собаки, увидев, как жена его без конца любит себя в маленькое, размером с ладонь, обрамленное алюминиевым корпусом и покрытое с задней стороны мельхиором зеркальце, видимо, не желая расстраивать её, предложил Пржевальскому: «Если хотите взять собаку с собой, забирайте. Но без моей помощи». Самое удивительное, что когда Алдиярыч подошел к грозному на вид псу-тобету, к которому почему-то боялись приближаться даже казаки, сызмальства росшие рядом с собаками и знавшие их повадки, тот послушно поплелся вслед за проводником...

Во втором строю на откормленных, юрких лошадях, покачивая в такт движения мохнатыми малахаями, ехали казаки. Как люди служивые, они беспрекословно подчинялись приказам офицеров Пржевальского. Кого ни возьми, все удалые вояки, испокон времен охраняющие рубежи великой империи. Хотя они и отбились от строгой подчиненности российскому государству, успели за десятилетия казачьей вольницы вдохнуть воздух свободы, но тому же царю они были преданней прирученных борзых, всегда были оплотом трона, его гвардией. И то, что царизм уделял им особую роль в освоении новых земель, являлось своего рода гарантом незыблемости государства российского...

В середине каравана степенно шли верблюды. Их поступь была плавной, отчего создавалось впечатление, что не идут они, а скользят по равнине, словно плывя по невидимой водной глади. Казалось, каждый из них понимал, что многое от них зависит, потому в поступи их было что-то грациозное и величественное.

Хотя Пржевальский полжизни потратил на изучение животных, он всё же никак не мог понять этих «кораблей пустыни». Посмотришь на голову – самый что ни на есть динозавр, тело – длинноногое, больше похожее на диких лам из Южной Америки. Легко переносящие любую дорогу, не знающие жажды, они – самое практичное средство передвижения. Хотя у этих созданий был и ряд значительных недостатков, вызванных тем, что они не так сильно привязаны к человеку, как лошади, которых приручили намного раньше. Несмотря на свои огромные размеры и чудовищную силу, говорят, без помощи человека им очень трудно размножаться... И даже немного обидно, что приручил это животное не цивилизованный европеец, а простой дикарь, азиат, можно сказать, туземец... Мало этим степнякам первенства в приручении коней, так они еще и верблюдов приучили доиться, пастись, ходить под седлами и тюками в дальних переходах.

Страстью Пржевальского всю жизнь были дикие животные. И теперь, кажется, он нашел то, что искал. Интересно, а что бы сказал об открытии новой разновидности верблюдов его помощник? Скорее всего, будет кричать древнее: «Эврика», а потом надоеет своими научными определениями и латынью. Но что интересно, есть же еще и дикие верблюды, которые уж точно размножаются без людской помощи...

Наткнувшись на эту мысль, Пржевальский повеселел и чуть не расхохотался. «Вообще-то, с научной точки зрения это серьезный вопрос, ибо для ученых отличия между диким и домашним верблюдом всегда были большой загадкой,

которую пока еще никто не решил,» – сказал бы Роборовский. И Пржевальский еще раз улыбнулся про себя.

А верблюды... К каким бы выводам люди не пришли, но в данный момент для них, перевозивших на себе поклажу, это не имело ровным счетом никакого значения. Их не могли интересовать ни ученые споры, ни научные степени, ни армейские чины, они продолжали путь со свойственной только им величавой поступью...

Взгляд путешественника остановился на небольшой отаре овец, что тащилась позади всех. Роль, отведенная этим существам, была особенной. Казахи, кочующие по этой земле столетиями, знали в них толк. Баранье мясо самое питательное и полезное в нелегком путешествии, если не считать того, что оно немного тяжеловато для желудка. Но пока ещё не встречал еды лучше, чем мясо молодого барашка, разумеется, хорошо отваренное. И практичным здесь было то, что пища сама шла следом за кочевниками на своих ногах, не издавая ни звука и безропотно плетясь в конце каравана. «Живой холодильник», – подумал про себя Пржевальский.

Увидев идущего вслед за отарой крещеного татарина-толмача, внезапно усмехнулся. Татарин присматривал за отарой и одновременно являлся переводчиком экспедиции. Нужный человек... До той поры, пока они не придут в Кульджу и он не наймет профессионального переводчика, услуги которого были оговорены заранее. Здесь существенным было то, что татары стали подданными России давно, намного раньше казахов.

«Нужный человек», словно почувствовав на себе взгляд начальника, приблизился к нему. Заискивающе заглядывая в глаза, начал рассказывать о том, что успел заметить. Сам толмач-татарин называл свое сообщение «докладом» и понимал, что начальнику экспедиции интересны любые мелочи, не говоря уже о существенных фактах. Однако сегодня докладывать было нечего.

– Никаких происшествий, Ваше превосходительство.

– Отставить... Не превосходительство, а благородие.

– Именно так, Ваше благородие.

– Правильно. Ты посмотри на него... Во главе колонны...

– Это же Алдиярыч, Ваше благородие... – под нос пробормотал толмач-татарин.

– В последние дни не могу понять, что с ним.

– По-моему, неплохо разбирается в погоде и хорошо знает дорогу. Но вот внешний вид его...

– К чему тебе его внешний вид... Внутри... Ты должен знать, что у него внутри. Что замышляет? О чем думает?

2

Люди заметно подустали, возникла необходимость сделать привал, к тому же караван подошел к ущелью. Здесь надо остановиться и разузнать, разведать, что там впереди. В горах в любой момент можно ожидать чего угодно. Внезапный дождь или, того хуже, град могли вызвать оползни из камней и грязи, а сель, не приведи Господь, может снести, смести всё на своем пути, в том числе, если зазеваешься, и их небольшой отряд...

Глядя в черный зев ущелья, Пржевальский подумал, что проводник перед очередным опасным переходом снова зарежет барана, и их спутники до отвала наедятся свежего мяса. А казах с татаринком обглодают очередную баранью голову, как это было недавно.

Но, как оказалось, на этот раз он ошибся. Проводник, повернув коня, подъехал к верблюдам и начал отвязывать их друг от друга. Пржевальский это по-

нял так: в случае, если один верблюд сорвется вниз, то он потащит за собой и остальных, а это очень опасно и нежелательно.

Видя, что проводник вновь вскочил на своего жеребца, Пржевальский тоже всунул ноги в стремя, чтобы не отстать от него. Он вздрогнул, когда к нему неожиданно и, как всегда, бесшумно подошел денщик и схватил за локоть. Приложив к губам палец, Харитон головой кивнул в сторону горы.

Гора. Обычная гора, каких вокруг много. У самой вершины её окутали облака, а на склонах местами лежал снег. Ничего особенного. И лишь у самого обрыва, среди камней росла одинокая береза. Пржевальский не заметил ничего подозрительного. Жестами, стараясь не шуметь, денщик показал в сторону той самой березы.

Проследив взглядом, куда он показывал, наконец заметил: на открытой площадке между двумя скалами, которые торчали, как упругие груди юной девушки, стояла группа конных. Поднес к глазам бинокль. Конные смотрели на них и, казалось, готовы броситься сверху на караван. Всадников было около сотни, каждый хорошо вооружен, в руках острые пики, за плечами луки или ружья. Во главе сотни – это было заметно по тому, как он важно развалился в седле – был человек с маленькой бородкой. На голове обычный борик, за спиной длиннущее фитильное ружье. Было время, не раз встречал похожих людей в первой своей экспедиции в Монголию и во втором походе на Лобнор. Но сейчас не знал, кто они. Люди-враги, которые всю дорогу невидимой тенью преследовали караван, чтобы в подходящий момент напасть? Помнится, на Лобноре они дали отпор тысяче таких верховых, хотя у них было всего лишь восемнадцать винтовок. И тут сердце Пржевальского дрогнуло. Потому что это был не Тибет, не Лобнор, а территория, принадлежащая Российской империи. Это означало, что верховые знали, кто они, и специально следили за ними. Так кто же они? Может, китайцы?

– Нет, не китайцы, – шепотом произнес Роборовский, словно читал его мысли.

– А это, случайно, не нголоки³?

– Какие нголоки, Ваше благородие?..

Пржевальский вспомнил, как во время всё той же монгольской экспедиции судьба не раз сводила его с племенем нголоков. Воинственное племя. Но те люди, что стояли перед ними, не были похожи на нголоков, которые ближе к зиме перебирались в горы, а летом кочевали в устьях рек и озер.

– Зови проводника!

Обычно понимающий по выражению лица его мысли и приказы, Харитон стоял, потупив взор.

– Где наш проводник, сукин ты сын?! – перешел на крик Пржевальский.

Обернувшись, увидел, что коренастый казах, порой даже пищу принимавший сидя на коне, стоял на земле, словно истукан. И вдруг начал кланяться, показывая верховым сначала голову, потом спину и, наконец, свой зад... Только теперь он понял, почему Харитон тоже не двигался. Пржевальский решил, что это очередной обряд азиатов, который обязателен при встрече незнакомых групп людей. Оставалось только молча наблюдать. Было время намаза.

Наконец, проводник перестал кланяться. На лице его не было и тени страха.

– Ты поговорил с ними? – спросил его Харитон, когда к нему наконец-то вернулся дар речи. – Кто они?.. Случайно, не нголоки? Или всё-таки керей?

Проводник поднес ладонь ко лбу, сощурил и без того узкие глаза и махнул рукой, что означало: «Двигаемся дальше...», – и запрыгнул в седло.

³ Нголоки и ясаки – кочевые племена, живущие в северо-восточной части Алтая. На сегодняшний день представители этих племен встречаются среди жителей Китая и Монголии.

– Поехали, времени мало, нужно идти, господин начальник...

– А что с этими?

– Вы о ком?

– Ну, об этих бандитах...

– Какие бандиты, тещу твою того самого?! Это же наши... наши караул-ясаки.

– Какие караулы?.. О каком карауле ты говоришь?

– Наши. Караул-ясаки из рода найман. Спускаются на летнее пастбище, начальник.

Коренастый, дав шенкеля коню, поехал вперед, давая понять, что пора продолжить путь дальше.

Харитон удивленно, не зная, что делать, посмотрел на начальника.

– Что он сказал? Караульный отряд?

И тут наконец до путешественника дошло. Караул-ясаков он встречал в восточной крепости – Бийске, и в южной крепости – Сергиополе. Видел, как джигиты из рода найман нанимались на службу в караульные отряды и даже получали жалование. Только теперь он вспомнил название этого рода – «найманы». Русские называли их караул-ясаками. Вспомнил, как они видели их в Китае и в Монголии. Обычные наемники, способные охранять их экспедицию. Или же по чьему-то приказу уже охраняют. Но почему о них сам Пржевальский ничего не знает? Почему к концу девятнадцатого века на границе империи свободно разъезжают сотни вооруженных людей? Кто разрешает подобное? Не казаки, не солдаты, а найманы...

– Да. Найманы они! Но почему здесь?.. Что скажешь, татарин?

– Здесь я, Ваше благородие... Не найманы они.

Пржевальский вновь оглядел караван:

– А этот странный дервиш. Или бакчи?.. Куда делся? Что-то не видно его.

– Не дервиш, не бакчи, а настоящий шаман, Ваше благородие. Он... наверно, уже по базару в Зайсане ходит.

– Какой там еще Зайсан, каналья? Вчера еще здесь был. Он же пеший.

– Так он же шаман, Ваше благородие. Ему сто верст, как сто шагов пройти – раз плюнуть. Ни лошадей, ни верблюдов ему не потребно.

– О Боже! Прости мя, Господи! – Пржевальский вдруг начал истоиво креститься. – Ты присмотри за этим... как его... Алдиярычем.

– Алдиярыч тоже ведает, что на земле творится, а что под землей. Только в последнее время он это... не нравятся мне его поступки.

– Какие, к примеру?

– Ну, он пропадает где-то ночами... понимаете, целыми ночами.

– Фу ты... Зачем тебе то, что он делает? Ты мне дознайся, о чем он думает, ты ему в душу... в душу залезь. В доверие войди.

Беспрестанно почесывая голову, выдирая клоки волос, толмач-татарин побежал догонять далеко ушедшую отару овец. Дородный русак остался на месте, взглядом провожая «нужного человека».

Когда толмач-татарин исчез между деревьями и Пржевальский остался наедине с помощником, заметивший недовольное выражение его лица прапорщик подъехал ближе.

– Слушаю вас, Николай Михалыч!

– Какие вы сделали выводы из этого случая? Кто они?

– Вы о ком, Николай Михалыч?

Пржевальский двумя указательными пальцами показал в ту сторону, откуда они уже отъехали на значительное расстояние. Роборовский кашлянул.

– Как бы это сказать... Мне кажется, они уходят за кордон. Горный таежный Алтай не сможет стать постоянным местом жительства для привыкших к степи казахов. Помнится, ранее я вам об этом говорил.

– Милейший, вы хотите сказать, что указ царя об их поселении на правом берегу – ошибка?

– Нет, что вы! Я совсем не то имел в виду. Прошу вас, не делайте поспешных выводов. Если говорить откровенно, то все мы понимаем, что именно они содержат всех переселенцев и солдат.

– Батенька, вы бы перестали говорить загадками. Говорите как есть. Или же вы мне не доверяете?

– Ваше благородие, ну зачем вы так!.. Вы же знаете, что после бога на небесах я верю только вам. Но вы же понимаете, «береженого бог бережет», тем более в наше время осторожность не помешает. Я думаю, что главная причина вовсе не в найманах, а в наших юго-восточных соседях, страна которых с другой стороны Алтая.

– И что вы думаете, они могут нарушить заключенный с нами договор⁴?! Свежо предание, ведь они не раз терпели поражение от кочевников, а тут Россия... Россия уже пришла на помощь степнякам, взяв их под свою защиту... Что-то не вяжется.

– Причина именно в этом, Николай Михалыч. По-моему, проблема не только в китайцах, но и в казахах, которые селятся по обе стороны границы... Эти найманы живут везде. Если говорить точнее...

– Если говорить точнее... Вам, вероятно, известно о том, что большая часть киргиз-кайсаков приняла подданство России, но определенная их часть отказалась и, отделившись от остальных, перебралась на Алтай. А что будет, если к обитающим по обе стороны границы воинственным найманам и кереем присоединятся и другие роды... Ведь многие киргиз-кайсацкие роды и племена вот уже сотни лет живут именно на этих землях.

– Эту проблему необходимо донести до сведения Его величества, Николай Михалыч... Вы должны это сделать.

– Да разве ж было у меня время высказать свои опасения на этот счет Его величеству? Но не раз говорил об этом великому князю Владимиру Александровичу... Великий князь – образованный человек, всё понимает и многое знает.

– Мне кажется, он знает только то, что происходит по эту сторону границы. А что там, за её пределами?

– Я с вами согласен, прапорщик... Не могу забыть свою первую экспедицию в Гоби и Алашань. Так вот, именно в Алашане я их встретил... Внешне ничем не отличаются от алтайских казахов, а вот схожести с монголами, тем более с китайцами, у них мало. Что интересно, себя они называют «алашанскими казахами», точнее, «алашанскими найманами».

– Прямо как независимые нголоки на Тибете и караул-ясаки...

– Какие там нголоки и ясаки... У них-то ничего, кроме гордыни, и нет... И хотя этих казахов в Алашане немного, но от них всё же полно проблем для местного населения в тех местах.

– Я, в отличие от вас, не каждый год выезжаю за пределы нашей территории, Николай Михалыч. Мои познания здесь ограничены только пределами нашей империи.

– А какие проблемы в пределах?

– Как я заметил, китайцы всячески задабривают своих западных соседей. Представьте себе, на базарах Павлодара и Семипалатах всюю торгуют китайским шелком, сахаром и плитками чая...⁵ И цены приемлемые. Нельзя позволить им пустить корни на земле кочевников.

⁴ Речь идет о Кяхтинском соглашении. В результате переговоров был подписан договор о разделе территории между Россией и Китаем.

⁵ В приграничные с Китаем районы Восточного Казахстана было привезено 142 пуда 12 фунтов чая, 4 пуда 11 фунтов шелковых тканей, 165 пудов шерсти, 6 пудов 32 фунта серебра // Вестник золотопромышленности и горного дела. 1867. № 3.

В словах прапорщика была правда. Пржевальский вспомнил, что тот, как только они выехали из Семипалатинска, пытался сосчитать количество казахских родов и сбился со счета. Да и он сам не раз встречал кочевые аулы казахов не только на Алтае, но и в оазисах пустынь Гоби и Алашаня, в устьях Орхона и Енисея... Он даже читал в каких-то записках, что казахские племена испокон веков кочевали по Дону, по Кубани, у подножья Карпатских гор. Часть казахских родов обитала даже в окрестностях Коканда и Бухары, не говоря уже о Ташкенте и Туркестане. Да и на Иссык-Куле их было немало. Он знал, что в последние годы по указу царя они стали переходить даже через Урал. Но кто предполагал, что после официального присоединения Казахской Орды к России именно здесь, на Алтае, разные кочевые племена будут вести себя так вольготно, перебираясь с места на место в поисках пастбищ для скота?

За этими разговорами они не заметили, что отстали от каравана. Пришлось нагонять, и, как выяснилось потом, не зря.

Если посмотреть правде в глаза, Центральная Азия – не Уссурийская тайга и даже не Тибет, это совершенно другое. Однако Пржевальский не мог не знать о трагедии, постигшей Даулеткерей Черкасского, который забыл об осторожности по дороге в Хиву. Пусть это была случайность, но из нее были сделаны весьма резонные выводы, извлечены полезные уроки. Вот что писал ему давний друг Николай Сиверцев о том, что случилось с ним недалеко от укрепления Туркестан, на перевале Каратау. Здесь он повстречался с казахами: «...Они повалили меня на землю и хотели отрезать мне голову, потом, добавив несколько крепких тумачков, разбили голову. Самое удивительное то, что я не чувствовал боли...»⁶

Однажды такая же история произошла и с Чоканом Валихановым, когда он, пробыв в Кашгарии, возвращался домой; преследователи нагнали его на узком перевале в горах Тянь-Шаня. И если бы не подоспел вовремя конный отряд из Верного...

Аналогичный случай произошел и с иностранцем Дютрей де Реном. И его подстерегала опасность на перевале.

Перевалы... Хранящие молчание и таящие опасности в каждой расщелине. Многочисленные перевалы Алтая.

Когда Пржевальский, усталый и больной, вернулся из экспедиции в Лобнор, ему посчастливилось услышать много неправдоподобных историй о кочевых казахсах. Судя по этим рассказам, после ухода с исторической арены калмыков, в огромной, необъятной степи начали набирать силу казахские племена. Есть версия, что большую часть населения Коканда, Бухары и других восточных стран составляют именно они. В свое время кабинетные умники, способные лишь на бумаге карты чертить и не умеющие снаряжать и участвовать в экспедициях в дальние страны, в один голос утверждали, что Коканд и Кашгарию населяют только казахские племена, ни больше ни меньше.

По возвращению в Санкт-Петербург он во что бы то ни стало должен поговорить не только с Великим князем Владимиром Александровичем, а с самим императором. Он должен убедить августейшую особу в том, что между двух великих держав возрождается и собирается огромная сила...

По узким горным тропам, на которых едва умещался один конный, они шли целый день. С одной стороны тропы был размытый дождями глубокий обрыв. Если вдруг кто-нибудь из его людей сорвется с нее, то вряд ли останется в живых.

Проводник не ошибся и на этот раз. Ближе к вечеру, когда на небе собрались тучи и по ущелью черной тенью стали опускаться сумерки, они уже были

⁶ Данный инцидент имел место во время путешествия русского путешественника Николая Александровича Северцева на Сырдарью и в Каратау в 1858 году.

на самой высшей точке перевала. «Скоро дождь пойдет, непременно надо где-нибудь хорошенько укрыться», – сказал Алдиярыч, уводя своего коня в укрытие за скалу.

В очередной раз его предсказание сбылось. После длившегося несколько часов ливня поднялся сильный ветер. Вот что записал в своем дневнике Николай Михайлович Пржевальский о силе горного селевого потока, бушевавшего под ними где-то внизу: «По доносившемуся до нас шуму и грохоту мы поняли, что набирающий скорость каждую минуту поток приближается к нам. В мгновение ока дно глубокого ущелья заполнилось грязной водой, которая больше напоминала по цвету кофе. От треска и грохота камней и откалывающихся от скалы осколков дрожала земля. Было слышно, как скальные осколки с грохотом ударяются друг о друга. Бурный поток играл с валунами как с пушинками, переносил их от одного берега к другому. Те деревья, что росли в ущелье, унесло потоком, и не просто унесло, а вырвало с корнем, как будто их и не было в помине.

Бурный поток уничтожил всё, что встретилось на его пути. Подымись вода еще на пару футов, весь труд экспедиции, вся коллекция пропала бы бесследно. А если бы уровень воды поднялся еще выше, то тогда нам следовало бы подумать о спасении собственных жизней, а не об имуществе экспедиции. Беда пришла оттуда, откуда мы её не ждали, меня сковал паралич; я не верил своим глазам. Встретившись лицом к лицу с опасностью, я всё же не мог поверить и сомневался.

Но и в этот раз удача и везение были на нашей стороне. На том месте, где мы поставили наши палатки, был небольшой вал из камней, которые были принесены сюда потоком воды. Этот вал принял на себя основной удар волн, и мы не пострадали»⁷.

3

На следующий день караван продолжил свой путь вдоль извилистой, как женский локон, горной реки.

Скалистые утесы стояли застывшие, замершие, и вокруг царил тишина, будто и не было вчерашнего ночного кошмара. И река, еще несколько часов назад бешено бурлившая и оглушительно ревевшая, словно разъяренный зверь, сегодня несла свои воды умиротворенно-спокойно. Снег, лежавший на прибрежных склонах, был изрезан, как шрамами, потоками ручьев, которые стекали в реку. Пржевальский был рад тому, что они вырвались из снежного плена, и теперь ни твердый наст, ни лед не будут до крови натирать широкие подошвы ног верблюдам и рубить крохотные копыта овец. Он с удивлением разглядывал окрестности, которые будто заново родились после вчерашней бури.

Оба берега реки были завалены вырванными с корнем деревьями и кустарниками. От нагретых солнечными лучами камней клубился еле видимый пар; теплый ветер увлекал его за собой по ущелью и уносил затем вверх. Спустя какое-то время, нагулявшись вволю, пар сбивался в молочные облака, которые окутывали вершины гор.

Что будет с караваном дальше? Они начнут свое путешествие в сторону Маркаоля и Зайсана. Если смогут преодолеть белоголовые вершины Заилийского Алатау, то тогда, возможно, доберутся и до озера Иссык-Куль. Наблюдая за облаками, которые, словно стадо тонкорунных овец, сбились в кучу у самой вершины ближайшей горы, Пржевальский подумал, что природа порой не подчиняется

⁷ Материал взят из книги Н. М. Пржевальского «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки». М.: Государственное издательство географической литературы, 1948.

никаким научным гипотезам и законам. Таких случаев в природе немало, и эти облака лишь один из тысячи наглядных примеров и доказательств тому.

Черные камни за всю снежную и холодную зиму до предела впитали в себя влагу, и теперь, как только пришла весна, отдавали её земле. Иногда, не выдержав внутреннего давления влаги, камни трескались, а некоторые даже раскалывались на части. Не зря ведь говорится: «Вода камень точит». Мелкие капли живительной влаги медленно, но уверенно пробивали себе дорогу, размывали супесь, дробили камни и небольшими струйками стекали вниз, где образовывали новые живительные роднички. А дальше сотни, тысячи этих разрозненных родников, скапливаясь в каком-то месте, превращались в маленькие или в большие, а порой и в такие огромные водоемы, как Иссык-Куль или Зайсан. И всё это имеет одно объяснение: ничто в природе не появляется из ничего.

Подъем на перевал дело нелегкое, впрочем, как и спуск с него. Особенно тяжело давался он могучим и тяжелым верблюдам. Целый день отнял у путешественников проход через ущелье, пока они ближе к вечеру, наконец, не выбрались из него. И те самые облака, которые они видели утром, теперь парили уже высоко в небе. Глядя на их плавное, безмятежное паренье, Пржевальский с трудом верил, что еще совсем недавно они шли сквозь их туманную пелену.

Пройдя через полный опасностей мрачный и угрюмый проход в горах, они вышли на бескрайнюю и широкую равнину, по которой, словно серебристой сверкающей нитью, извивалась холодная горная река. Казаки, измотанные долгим и трудным переходом, едва спешившись, тут же, валясь на ходу с ног, попадали на влажный и песчаный берег. Пржевальский, стараясь не выдавать спутникам свою безмерную усталость, отъехал немного вперед и стал осматривать изнуренный тяжелой дорогой караван.

Мокрые лошади стояли, понуро свесив головы, изредка мотая головами. Овцы, обычно неугомонно ищущие корм, сейчас застыли на одном месте, словно восковые фигуры; шерсть с них свисала клочьями, а в глазах отражалась прозрачная, как слеза младенца, речная вода. И лишь верблюды, глядя на всех свысока, молча и сосредоточенно что-то жевали. Вроде бы всё на месте...

Ан нет, проводник куда-то исчез. Неужели бросил их? Сбежал?

Через несколько минут показался и он. Он был сильно напуган, мчался во весь опор, то и дело подхлестывая плетью коня.

– Ужас!.. Ужас!.. – едва доскакав до них, закричал коренастый казах. – Все погибли... умерли... Останавливаться здесь нельзя...

– Кто?.. Кто умер?..

– Все!.. Все, тещу твою за ноги!..

Оставив караван у подножья горы, Пржевальский вместе с денщиком и прапорщиком спустились в низину. То, что они увидели, повергло их в шок. Пройдя полмира, он никогда не видел картины ужаснее той, что предстала перед ним. Оба берега реки были усеяны трупами животных. И здесь полновластными хозяевами чувствовали себя стервятники. Испугавшись топота приближающихся коней, стая ворон, испуганно каркая, с шумом поднялась в небо. Несколько грифов, устроивших свой кровавый пир, лениво повернули головы в сторону всадников, и лишь когда те подъехали к ним довольно близко, хлопая крыльями, медленно переместились на небольшой пригорок.

По всему пространству были разбросаны могильные холмики. Было видно, что появились они здесь недавно. Некоторые из них были обложены камнями. Таковы были здесь людские могилы. От одной этой мысли стало не по себе.

Почувствовав запах разлагающейся плоти, они тут же развернули коней и галопом поскакали к лагерю.

Приблизившись к своей юрте, Пржевальский заметил суетившегося подле своего жеребца проводника; оказалось, что тот менял подковы.

– Этот разбойник хоть знает, куда нас привел?! – гневно сверкая глазами, прорычал он на татарина.

– Откуда мне знать, Ваше благородие...

– Я спрашиваю, куда он нас привел?! Ему смерти нашей хочется?.. Скажи ему, заразная болезнь... – заорал, потеряв терпение, Пржевальский.

Когда до коренастого казаха дошла причина гнева начальника, то он громко засмеялся, издеваясь над толмачом-татаринном.

– Если ты не знаешь, как по-русски будет заразная болезнь, то тогда на кой черт тебе быть толмачом?.. Эх, паскуда ты продажная!.. Сразу бы так и сказал. А я думаю, чего ты блеешь как немощный козел... А ты, сволочь такая, про заразную болезнь блеешь. А начальнику своему скажи, если он боится умереть от заразы, пусть тогда поворачивает назад... Впереди еще не такое будет.

Как только Пржевальский услышал, что впереди их ждут еще более ужасные картины, он, схватив камчу, гневно приблизился к проводнику.

Алдиярыч с места не сдвинулся:

– Вы что, думаете, эти несчастные казахи поселились здесь, чтобы свежим горным воздухом подышать да с девицами на качелях развлекаться?.. Они пришли, потому что им не нашлось места в этой огромной степи, начальник... А тут такая беда, инфекция, сель...

Вспышка гнева внезапно прошла так же быстро, как и возникла. Пржевальский, повернувшись, задал толмачу-татарину вопрос, с недавних пор не дававший ему покоя:

– Вот объясни мне, дорогой, откуда этот шельмец знает слово «инфекция», заимствованное нами у англичан?..

Толмач-татарин молчал. А путешественник тут же вспомнил казахов, бжавших за кордон. Видать это он, его проводник, повел их этой дорогой. Как будто другого пути не было. Даже может оказаться, что беглецам из Усть-Каменогорского уезда дорогу в Китай показывал именно он. Возможно... А может, выполняет приказы, которые поступают именно с той стороны границы?.. Если это не так, то тогда откуда ему, живущему среди навоза и скота, знать английские слова?.. Нет, ну это просто уму непостижимо...

Когда Пржевальский услышал из уст русского консула в Зайсане, что после определения границы между Россией и Китаем часть казахов начала перекочевывать на сторону соседнего государства, он не придал этому особого значения. Да и помощник его жужжал как назойливая муха: «После того, как воинственные кереи покинули эти места, есть вероятность, что и остальные роды всколыхнутся вслед за ними». Что это за окраинные подданные России; куда хотят, туда и переходят?..

Собравшись с мыслями, Пржевальский попытался оценить ситуацию. За чем и без того многолюдному, словно муравейник, Китаю еще и эти казахи? У них и так проблем выше головы. Одни уйгуры чего стоят. Ну а если к ним присоединятся еще и найманы со своим многочисленным скотом, что тогда будет?.. Вероятно, именно этот скот и нужен Китаю...

В голове закрутился калейдоскоп мыслей. Ему вспомнились данные разведывательного департамента относительно казахских родов, которые стали селиться на правом берегу Иртыша. Согласно этим документам, как только Младший и часть Среднего жуза приняли подданство России, племена кереев, обитавшие в низовьях Орска, а затем и те из них, кто жил на берегу Сырдарьи, всем скопом перекочевали к подножью Калбинских гор. Как только вышел

указ о поселении казахов на Иртыше, с правой стороны реки пятнадцать тысяч юрт, то есть восемьдесят тысяч казахов, ушло через Алтайские горы. И не просто перешли, а двинулись дальше в Монголию и Китай. Никто их там не ждал, никто не распределял по заведенному ранее негласному порядку летние и зимние становища и пастбища. Едва они там обосновались, быстро поделились на три части и разбрелись кто куда...

По сути, однозначно для России пятнадцать тысяч кибиток не представляют большой потери. Однако три года назад, во время экспедиции на Лобнор, он своими глазами видел, что среди многочисленных китайцев стоят пять тысяч юрт кереев. Живут они так же, как и жили здесь, во внутренние порядки местных людей не вмешиваются. Но никому и не подчиняются.

– Ты, случайно, не знаешь, из какого рода наш Мырзаш? – спросил Пржевальский у толмача.

– Кажется, он из найманов...

– Не керей, случайно?

– Не керей, это точно, Ваше благородие... Вы же знаете, когда дело касается родословной и принадлежности к какому-нибудь роду-племени, то казахи становятся воинственными и приходят в бешенство, как архары во время случки. Оттого и распри у них...

– Керей он или найман, для меня нет никакой разницы... Кем бы он ни был, я ему не доверяю. Казаков он может подговорить, всё время с ними общается. Посему сегодня ночью я поручаю тебе охранять его... Ты понял?

Как только толмач-татарин ушел, Пржевальский зашел в юрту и, как обычно, стал мерить шагами юрту из угла в угол. По заведенному им самим правилу, садился за дневники только ночью, однако на этот раз решил нарушить распорядок и сел за работу на закате. Торопливо открыв планшет, достал перо и бумагу и начал записывать.

«...Именно на той земле, по которой мы сегодня прошли, в устье реки Урунхай, прожили год бежавшие в 1878 году из Усть-Каменогорска в Китай казахи. Число беглых составляло около 9000 человек. Одна часть бежавших обосновалась на южной части Алтайских гор, вторая же часть перекочевала на реку Урунхай... Из-за многочисленности скота на земле не осталось и клочка травы, пригодной для корма. Скотиной были съедены даже камыши и прибрежные кусты. Когда в округе не осталось ничего съестного для скота, казахи стали вырубать лес. Ободранную с деревьев кору отдавали овцам, а щепками кормили коров и лошадей.

Вскоре после такой кормежки начался падеж скота. В окрестностях зимовок шагу некуда было ступить, всё было завалено трупами овец. Падали было настолько много, что даже волки обходили её стороной. Зловоние стало распространяться по окрестностям, в воздухе стоял смрад. Ко всему прочему пойма реки была завалена навозом, вперемежку с трупами животных. Что было верным знаком того, что скоро начнется мор и среди людей».

Он писал весь вечер без остановки, и перед его мысленным взором предстали река с голыми берегами, свежие холмики, гниющие трупы животных и, как ни странно, всё время проводник-казах...

Ближе к полуночи его одолел сон; но боль, разыгравшаяся в желудке, не давала уснуть, заставив проворочаться до самого утра. Если раньше ему для сна хватало несколько часов, то в последнее время после пробуждения он всё чаще стал ощущать ломоту в теле, вялость и постоянную усталость. Было бы хорошо не захворать и не слечь до того, как он сможет завершить свою экспедицию на Тибет.

4

Привыкший к ранним степным рассветам, Пржевальский ощутил, что темные тени начали отступать к углам юрты. Поднявшись с постели, приказал денщику срочно собираться в дорогу. Вскоре из лагеря вдоль по устью реки выехали четверо верховых.

Когда путники, проехав реку Урунхай, подъехали к озеру Улунгур, на небе появилось красное зарево. Вскоре на небосводе показалось и долгожданное солнышко. Пржевальский залюбовался зеркальной гладью озера и прозрачной водой, переливавшейся в нежных лучах утреннего светила.

– Улунгур... Не думал, что это озеро такое большое и красивое, – произнес он, любуясь открывшейся перед ним картиной. – Пока не знаю, как это сделать, но мы должны определить его площадь и нанести озеро на карту... А потом нужно придумать новое, русское название этому чуду природы...

Произносил он эти мысли вслух и заметил улыбку на лице Роборовского, который, как всегда, рассматривал свою карту. Прапорщик же пристально смотрел в сторону восхода солнца.

– А что, если назвать его озером Пржевальского?.. Что скажете, Николай Михалыч?

– В этот раз я бы назвал его вашим именем! «Озеро Роборовского», ну как?.. По-моему, звучит лучше, нежели «пиявки Роборовского», или что вы там изучаете?

– Извините, Ваше благородие. Сказывают, что раньше озеро Улунгур было намного больше, чем сейчас. Тогда уровень воды был в нем выше, и оно было связано с Иртышом... Это сейчас оно не сообщается с рекой, потому что Иртыш огибают озеро с севера, почти в трех километрах отсюда.

– Как это огибают?..

– Как обычно. Огибает, и всё. Я не удивлюсь, если лет через десять-пятнадцать на месте этого озера будет одна большая лужа... Как правило, у озер, что расположены выше уровня моря, нет будущего. Вы же знаете, что из года в год алтайские ледники тают и, как я думаю, скоро вообще исчезнут. Тогда исчезнет и озеро, озеро, названное вашим... извините, моим именем.

– Я-то думал, что, кроме трав и птиц, вы ничего не видите. Однако, всё замечаете и кое-что действительно знаете.

Роборовский, поняв, что сболтнул лишнее, покраснел.

– Николай Михалыч, вы ведь сами всё это писали в своих иссык-кульских заметках. Река Чу, что раньше вливалась в Иссык-Куль, а затем даже доходила до самого Аральского моря, сейчас протекает в двух километрах от горного озера. И если так будет продолжаться дальше, то вскоре исчезнут с лица земли и Арал, и Балхаш, а может, даже и Каспий.

Услышав о том, что «...скоро исчезнет и Каспий», в разговор вмешался толмач-татарин.

– А где же тогда будут жить татары... не-нет... люди?

– В Европе... в Сибири.

Эти слова Пржевальский произнес с едва заметной улыбкой.

– Как бы все не перекочевали на Алтай, если Европа и Сибирь останутся под водой...

Почувствовав, что слишком уж он стал разговорчив, да и доводы его с научной точки зрения выглядят более достойно, Роборовский, пытаясь переменить тему разговора, принимавшую весьма сложный оборот, подозвал к себе проводника и татарина.

– Вы, случайно, не знаете, в каком месте самое короткое расстояние от озера к Иртышу? Не могли бы показать?

– Да во-о-о-н там... Я бы отвел вас туда. Если судить по шагу вашего коня, то займет это около половины дня...

– А описать сможете?

– Берега с крутыми обрывами... Обрывы эти настолько глубоки, что голова кружится...

– Как вы думаете, сколько метров они составляют в высоту?

– Да кто его знает, никто не измерял... Может, длиной в аркан...

Определив в уме длину аркана, Роборовский записал в свой дневник следующее: «В северо-западном направлении от озера нами были обнаружены расщелины. Одна из расщелин находилась в двадцати двух метрах над поверхностью воды».

На обратном пути проводник и толмач, отстав от остальных, поехали рядом, неторопливо переговариваясь. Первым из них завел разговор толмач.

– Эти двое русских недавно говорили о чем-то непонятном. Вот ты веришь в то, что когда-нибудь Зайсан и Маркаколь могут исчезнуть?

– Это и немудрено, вот, если такие же сволочи и паразиты, как ты, будут полоскать свои грязные ноги в их водах, то тогда конечно...

– Да я не шучу. Я говорю о том, что только что слышал от этих двоих. Они говорили, что рано или поздно все озера и реки Монголии и Китая обмелеют или высохнут вовсе. Как ни говори, ученые всё-таки. Это я к тому, что в будущем наши потомки будут кусать локти...

– Доля правды в их словах есть. Еще в прошлом году я встретил двух китайцев, измерявших ту самую расщелину, про которую я говорил... Судя по всему, они хотели направить русло воды в озеро. А может, я ошибаюсь или не так понял.

Едва разговор зашел о китайцах, толмач-татарин насторожился. Как они и думали, выходило, что проводник их встречался с ними. И подумав о вечернем докладе, он повеселел.

5

Пржевальский успокоился лишь только тогда, когда убедился, что Харитон, взяв с собой несколько верховых казаков, направился к голове каравана. Вот теперь можно быть спокойным и за караван, и за проводника. Ну и не хотел он, чтобы Харитон слышал то, о чем они будут говорить с помощником, подскакавшим тем временем к нему.

Немного погодя они с прапорщиком Роборовским отстали от процессии. Роборовский внимательно смотрел на него, ожидая начала разговора.

– Слушаю вас, Ваше благородие...

– Этот случай...

– О каком случае изволите говорить, Николай Михалыч?

– Да про этих бандитов на перевале говорю. Ну даже если не бандиты... Что они потеряли на границе российского Алтая?

– Бандиты... Вы говорите, бандиты? Как вам сказать... В последнее время на Алтай всё больше и больше казахов откочевывает. Если так пойдет и дальше, то из России в Китай, как весенний паводок, хлынут все инородцы.

– Ну, это вы, прапорщик, хватили через край... По имеющимся у меня на руках записям, перед приездом великого князя численность казахов не превышала и трехсот тысяч.

Как только беседа коснулась темы численности коренного населения, Роборовский переменялся в лице, он посмотрел на Пржевальского с какой-то мольбой во взгляде и как-то суетливо стал оглядываться по сторонам.

– Ваше благородие, вы, вероятно, имеете в виду данные двадцатилетней давности по десятой ревизии? Так это данные без учета жителей Коканда и Бу-

хары, а также хивинских казахов, к тому же сюда не включены и казахи Малого жуза. И десятая ревизия переписала казахские роды, которые жили в то время в резервации по побережью Балхаша. Не говоря уже о том, что не учтены были и роды, постоянно кочующие туда-сюда по бескрайней Бетпақдале, от одного края которой до другого полгода пути, Николай Михалыч.

– Нет у меня ни времени, ни желания считать по головам кочевников, которые, как ветер: сейчас здесь, через час их нет, сейчас в степи, а завтра, смотришь, уже по горам скачут. Если так разобраться, не наше это дело, прапорщик...

– А какова наша задача?

– Напоминаю вам, прапорщик, что ваша задача считать не людей, а птиц и животных, пополнять коллекцию трав и насекомых.

– Ну, вы сами начали этот разговор, Ваше благородие... Не они ли всего лишь каких-то сто лет назад на берегах Или разбили в пух и прах сто тридцать тысяч до зубов вооруженных калмыков? Вы можете сказать, какова должна быть численность народа, который разделался с закованным в железо противником, словно с каким-нибудь щенком из подворотни? Если брать в расчет одного воина от каждого очага, то это приблизительно будет... миллион будет, Ваше благородие.

– Сто тридцать тысяч... Сто тридцать тысяч, вы сказали, прапорщик? Если мне не изменяет память, то численность калмыков, пересекших по высочайшему повелению Волгу, была сто двадцать четыре тысячи... – сказал Пржевальский и, почувствовав, что и эту словесную перестрелку он проиграл, невольно прокашлялся. – А если говорить о численности казахов... я слышал, что в переписи больше участвовали женщины, чем мужчины. Но мы-то с вами знаем, что у туземцев очень мало женщин, не имеющих мужа. Если учесть это, то результаты более чем обманчивы, – он попытался обратить всё в шутку. – Мы что-то на своем пути не так часто встречали женщин, видно, они здесь в дефиците, не так ли, прапорщик... хе-хе...

– Дефицит, говорите? Это в Коканде и Бухаре женщины в дефиците, а не на Алтае. Наверное, поэтому они прячут своих женщин под чадрой, да еще и за каменными стенами, словно в тюрьме держат, Ваше благородие. А вот еще говорят, что в Тибете, куда мы идем, на трех мужчин приходится только по одной женщине, это правда, Николай Михалыч?

– Да, это правда, моногамия... А у туземных казахов у каждого мужчины по четыре жены... Не жизнь, а рай, да, прапорщик?

– Четыре жены? Ежели все четыре разом родят...

– Ей-богу, в правильном направлении мыслите, прапорщик... По результатам переписи казахи Бухары и Коканда, Крыма и Сибири не вошли в число казахских родов, но, с божьей помощью, и они теперь в составе России. Теперь, если и роды с двух сторон Алтая, потом роды, населяющие Китай и Тибет, обратят свои взоры в сторону Российской империи, то.... Кстати, говорят, в Андижане и Оше не хватает кадровых русских офицеров... Вот, если жив буду, доберусь после экспедиции в Санкт-Петербург и похлопочу о вашем переводе туда на более высокую должность. Там тепло, да и местечко теплое... а, прапорщик?

– Да и у меня нет никого, о ком бы я заботился, Ваше благородие. Таким, как мы, бесштаным, и алтайские морозы подходят. Так посудить, мы тоже, как эти туземцы, семижилые. Да и, видать, судьба у нас такая с вами, вся жизнь положена на алтарь мировой науки. Так что, о каких теплых местах вы говорить изволите, Ваше благородие?

– Насчет науки это вы правильно, прапорщик, сказали... А что вы скажете о моем воинском звании... забыли? Всё вас к туземцам воротит, прапорщик.

При упоминании о воинском звании прапорщик, округлив глаза, осекся.

– Ей-богу, вы же знаете, что я не смею с вами препираться, Николай Михайч, – начал он нерешительно. – Хотя, если вы насчет моих слов о том, что туземцы семижильные, то, конечно, есть доля сомнения. Ежели они такие выносливые, то почему же мрут как мухи, поедаемые всякими тварями?

– Видно, что вы в курсе жития-бытия кочевников, прапорщик. А то откуда вам ведомо, что они мрут как мухи. Может, вы стали сентиментальны от жалости к ним? Может, знаете, от чего они «мрут как мухи»?

– Да это я так, к слову, Ваше благородие.

Довольный столь благополучной развязкой их беседы, довольный собой, что удалось избежать острых углов, Пржевальский стегнул своего коня камчой по крупу, и тот помчался с места в карьер, нагоняя растянувшийся караван...

– Что будем делать, Николай Михайлыч? – спросил дожидавшийся его запыхавшийся толмач, указывая вытянутой камчой на отару овец, перегородивших вход в узкий проход перевала.

– Выстроишь их в ровные ряды, разделишь на шеренги и прикажешь им: «Шагом марш!»

То, что смысл его слов не дошел до татарина, было очевидно. А коренастый казах, наяривая камчой своего скакуна, быстро форсировал, поднимая серебрястые брызги воды, горную речушку, выпростался на извилистую, каменистую тропку и ушел далеко вперед. Делать нечего, взяв на поводу лошадь, пошел во главе казаков догонять проводника.

Немного поднявшись вверх, оглянулся назад, на перевал; вооруженного отряда там как не бывало. Лишь сверкала на солнце вершина горы, точно укрытая белой шалью любопытная баба, выглядывающая из-за забора. Людей нет, лишь осталось тягучее чувство тревоги. Он невольно снова и снова оглядывался на оставшиеся позади остроконечные вершины перевала, без конца елозя в седле, когда проезжал по извилистой, узенькой тропинке. Устремив бритвенные грани в бездонное небо и окунаясь белыми вершинами в молочные облака, впереди лежали безмолвные, затаившие что-то неведомое новые перевалы. Так же, как и его соотечественники, за своими легкозатейными развлечениями не замечающие, как протекает мимо них жизнь в городке, уткнувшемся, словно игла, в окраину России, спрятались они от всего остального мира...

Много он слышал различного про эти казахские роды, когда лежал после неудачного похода на Лобнор в лазарете Усть-Каменной на лечении. По утверждениям горе-путешественников, которые не смогли проникнуть в Среднюю Азию и переключили свое суетливое внимание на Азию Центральную, после ухода воинственных калмыков в глубинных территориях евразийских лесов, гор и бескрайних долин, куда не ступала нога русского человека, в пустынях и полупустынных краях накапливалась другая сила – собирались и объединялись, набирали мощь казахские роды и племена.

Да и в Кокандском и Бухарском ханствах большую роль играли роды, которые ранее населяли северо-восточные земли. В то время, когда цивилизованные страны Европы и Азии, вооруженные самым современным оружием, не могли никак подчинить себе Тибет и Кашгарию, когда эта древняя земля, населенная с давних времен этими самыми казахскими родами, одну за другой поглощала, как бездонная прорва, оснащенные по последнему слову разные экспедиционные бригады, возникли небеспочвенные опасения, что этот народ, накопив силы, подчинит себе весь Алтай по обе его стороны. А что могут всего лишь восемнадцать человек его экспедиции по сравнению с мощными изыскательскими партиями? Эта всепожирающая зверина заглочит их и не поперхнется. То, что они до сих пор живы, большая удача.

Да, всего восемнадцать душ... Все они шли за ним только благодаря его высокому авторитету великого путешественника, преодолевая бесчисленные ледяные перевалы, подвергаясь на каждом из них ежечасно, ежеминутно смертельной опасности. Может, тогда, при мысли о том, что вот уже на протяжении шести месяцев он водит их по самому краю смерти, и они идут за ним, верят ему, так остро защемило его сердце?

Про то, что случилось на перевале Тан-ла, он написал так:

«...Пока караван переваливал через Тан-ла, за ним следовали издали несколько еграйских всадников. Когда же путешественники уже на спуске с гор разбили стоянку, к ним подъехали человек пятнадцать еграев. Они привезли масло для продажи. В то время как шла торговля, один из кочевников украл складной нож, висевший на поясе у переводчика, Абдула Юсупова. Заметив это, Юсупов стал требовать свою вещь обратно. Кочевник выхватил саблю и ударил ею Абдула по левой руке, но плохой клинок только прорубил шубу и халат, а руку лишь слегка оцарапал. В ту же минуту еще один еграй бросился на Абдула с копьем. Находившийся вблизи Роборовский пересек разбойнику дорогу, вырвал у него из рук копье и сломал его. Еграи схватились за свои копья и сабли и завязали с казаками рукопашный бой. Два еграя, вооруженные фитильными ружьями, бросились за ближайшую скалу и оттуда открыли огонь. Всё это было делом одной минуты, – рассказывает Пржевальский, – так что мы едва успели взять свои винтовки. Однако сначала я не велел стрелять, хотя в нас и летели камни, весьма искусно бросаемые еграями из кожаных пращей. Но вот из-за ближайшей скалы раздался выстрел, затем другой, и пули пролетели мимо нас. Медлить далее было невозможно – я скомандовал пальбу казакам. Загремели скорострелки, и после первого же залпа еграи бросились наутек, провожаемые нашими выстрелами. Но вскоре я велел прекратить пальбу...»

А далее...

«Стоянка экспедиции была расположена под скалами, из-за которых незаметно могли подобраться еграи. Когда разбойники скрылись, мы перенесли свой бивуак на более открытое место. Здесь, как могли, устроили укрепление, уложив вьюки и верблюдов квадратом вокруг юрты и палатки. После своего неудачного нападения еграи до самой ночи разъезжали взад и вперед по ближайшим горам и всё воровато нас выглядывали. Мы легли спать не раздеваясь, с ружьями в руках, с револьверами за поясами. Поочередно караулили двое казаков. Всю ночь в горах раздавались крики. Еграи готовились к новому нападению. Незавидно, но в высшей степени интересно было в это время наше положение. С одной стороны – наша маленькая кучка, с другой – целая орда... Там – грубая физическая сила; здесь сила духа. Эта-то сила духа и должна была победить – и победила!»

Перевалы... Внушающие невольное уважение и страх, крутые перевалы с обдранными, острыми скальными выступами... Снова и снова, как бы украдкой, Пржевальский обводил взором скалы и приходил к мысли, что ему обо всем увиденном нужно обращаться не к царевичу Владимиру Александровичу, а непосредственно к самому самодержцу. Непременно. Только ему поведать, что на стыке границ двух империй зреет новая, доселе неизведанная сила, именуемая казаками.

6

Весенний день в горах был очень короток. Едва солнце осветило вершины ледников, тотчас природа засверкала во всей своей красе, но уже через несколько часов, опускаясь всё ниже и ниже, оно исчезло за этими же самыми горами. Тут же по всей долине, словно черная змея, из всех темных уголков, камней и расщелин расползлись сумерки. Из темного, холодного зева ущелья по земле медленно стелился туман, с вершин гор стала спускаться вечерняя прохлада.

Как только холод стал пробираться до костей, заставляя выбивать зубами четку, толмач-татарин, сидевший за шатром и порядком озябший, тут же спрятался среди овец. Сбившиеся в кучу овцы были надежным щитом от холода. Если бы не специфический резкий запах овечьей шерсти, то всё было более-менее терпимо: немного согравшись, татарин почувствовал, как его клонит ко сну. Но едва он сомкнул веки, как тут же перед его глазами всплыли грозно нахмуренные брови начальника, и сон сразу же улетучился. Вокруг непроглядная тьма, и только могучий храп уставших за весь день казаков нарушал эту ночную идиллию.

Неподалеку всхрапнула лошадь. Это был жеребец проводника, который всегда и везде пасся в гордом одиночестве. Он стоял неподалеку от стоянки и, хотя до него было большое расстояние, его огромный силуэт был отчетливо виден даже в такой темени. Если жеребец на месте, то толмач не стоило о чем-либо волноваться. Потому что, как он себе представляет, этот проводник-казак даже «по-большому» ленится ходить на своих двоих.

Ближе к полуночи не стало слышно и шаркающей поступи караульного. Лишь из шатра Пржевальского светился слабый огонек. Опять пишет. Пишет... И сколько можно писать? Решив, что если он будет смотреть на мерцающий неподалеку огонек, то и спать ему не захочется, татарин не сводил глаз с единственного источника света.

Как только ему наскучило таращиться в одну точку, он отвел глаза в сторону и принялся искать силуэт лошади. Но жеребца не было, и сердце его едва не выпрыгнуло из груди. Куда мог подеваться огромный конь, который только что мирно пасся во-о-о-н на том месте? Он едва не потерял сознание от страха.

Собравшись с мыслями и растолкав овец, татарин на цыпочках подкрался к месту, где спал проводник-казак. А того и след простыл. Кошма, служившая Мырзеке постелью, была пуста.

Спотыкаясь на каждом шагу и проклиная непроглядную темень, толмач-татарин подошел к коновязи. Второпях вскочив на коня, рысью поскакал к низине. Проехав совсем немного, заметил силуэт коня, который направлялся вдоль поймы реки. Теперь он старался не потерять из виду огромного жеребца и продолжал иноходью трусить за ним.

Спустя время, за которое можно было бы вскипятить молоко, сивый жеребец начал переходить брод. До слуха толмача отчетливо доносился звук хлюпающей воды. Достигнув берега реки, он остановился, думая, что делать дальше. Он знал, как осторожен и каким чутьем обладает проводник-казак. К тому же боялся, что Алдиярыч может услышать всплески воды. Когда вода в реке достигла колен его лошади, он остановился и прислушался. Темнота, хоть глаз выколи. Вокруг тишина. Казак верхом на своем жеребце как будто растворился в этой ночи.

Внезапно он почувствовал сильный удар в спину, и тело его онемело, а после он понял, что падает с лошади. Но как только ледяная вода обожгла его, он тут же пришел в себя...

Помнит, как, путаясь в полах своего просторного чапана, отяжелевшего от воды, вмиг потерялся в лабиринтах своих мыслей, а потом полностью потерял сознание. Через какое-то время, придя в себя, спотыкаясь, выбрался на берег. Едва выполз из воды, как увидел перед собой огромного черного коня-великана, который тащил на своей спине такую же огромную каменную глыбу. Глыба эта спрыгнула со спины великана и пророкотала:

– Жить надоело, мать твою?!..

Испугавшись грохота падающих наземь дров, вздрогнув, поднял голову. Стиснув зубы, сжался в комок и задрожал то ли от холода, то ли от страха. Пропавшая на миг куда-то каменная глыба вновь выросла на глазах, словно из-под земли, и с грохотом уронила на землю охапку дров.

Сухостой разгорелся очень быстро. При свете костра толмач-татарин заметил ухмыляющееся лицо проводника-казаха. Невдалеке пасся черный конь. Но откуда взялся этот черный конь? Почему черный? Где сивый?..

– Скидывай одежку, придурок! Иначе копыта откинешь, тещу твою за ноги...

Татарину, глядевшему на коренастого снизу вверх, показалось, что тень стала продолжением его, отчего тот казался немного вытянутым. Громовой голос проводника и его «копыта откинешь» татарин понял как «убью» и суетливо стянул с себя мокрый, прилипший к телу чапан, бросил его поближе к костру.

– Ты что, придурок, решил меня напугать, тещу твою под корень?! Или тебе приказали напугать меня именно так, шура продажная? – рыкнул коренастый казах, накрывая мелко дрожащего, как мышь, татарина своим обширным и теплым чапаном.

Толмач-татарин, согрившись под теплой шерстью, почувствовал, как жизнь возвращается в его брненное тело.

– Прости!.. Извини меня! Это был приказ начальника, следить за тобой...

– И что же думает твой начальник, тещу твою за ноги?

– Он думает, что ты китайский... да, да, китайский шпион.

Услышав это, коренастый лишь ухмыльнулся.

– Тоже мне, нашли шпио... разведчика. Неужели вы думаете, что я пойду служить к этим шуршутам, которым самим-то есть нечего. Вы за кого меня принимаете, а? Холоп недоделанный, тещу твою... Вбить бы тебя в землю, как деревянный кол.

– Кол? Какой кол?.. Тебе что, жеребца своего привязывать некуда?

После такой словесной перепалки оба весело захохотали. Немного погодя казах и татарин, как два заправских друга, сидели у потрескивающего костра и мирно беседовали. Круживший рядом жеребец подошел к костру и ткнулся влажным носом в плечо хозяина. Почувствовав прикосновение мягких губ, проводник-казак вытащил из кармана кусок хлеба и протянул коню. Жеребец мигом проглотил хлеб и пошел восвояси.

– Первый раз вижу, чтобы кони ели хлеб... – проговорил татарин.

– Какой хлеб?

– Ну, только что, ты же сам дал своему жеребцу...

– Какой еще хлеб, дурья твоя башка. Это же конина – казы. Ты хоть знаешь, что это такое? Или ты думаешь, что мой славный жеребец будет питаться всякими травами, как русские, или как ты, крещеный татарин, будет кушать баранину, тещу твою?!

– Ей-богу, первый раз вижу, чтобы травоядная скотина оказалась плотоядной.

– Да дался тебе мой жеребец, непорочный ты мой... Ты бы лучше подумал о тех, которые живут на Тибете и едят своих соплеменников.

– Что правда, то правда. Нас с тобой они есть точно не будут, а вот своих, это да...

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, – рассмеялся коренастый казах. – Про себя ничего сказать не могу, а вот с тебя-то что взять? Кожа да кости... А вот начальника твоего, которого и лошадь-то еле везет, уж они точно слопают, если им повезет. А тебя, татарин, на закуску, тещу твою...

– А что тебе до меня? Это уже мои заботы. Если уж так сложится, то всё, что мне причитается, достанется моей семье в Казани. А тебе-то какая польза с этой возни... Никак в толк взять не могу.

– Кстати, ты в каком звании-то, яхонтовый мой?..

– Какое звание? Рядовой я...

– Разве это звание? Да ежа твоего за ногу... рядовой! Тогда для тебя самое главное не отставать от своего отряда. Ха-ха-ха... Тещу твою за ноги! Оказывается, это правда, что вам, татарам, служивым, и звания-то не дают.

– Дают. Почему нет? Только для этого креститься надо. Я, например, очень жалею своих крещеных братьев.

– Тоже мне некрещеный радетель. Слушай, а твой начальник не боится, что сам сгинет где-нибудь на краю земли и никто даже свечку за упокой его души не поставит? На кой черт ему тогда всякие чины, звания и дорогие халаты, за один из которых можно выкупить не одну зеленоглазую красавицу? Вот захворает, а ему даже кружку воды подать некому. Ни кола, ни двора, ни родных. Всё лошади да лошади... Далось им ему. Как бы смерть свою он не принял от этих лошадей, как некоторые...

– Чингисхана имеешь в виду?.. А правда, что Чингисхан смерть принял не от коня, а от кулана?

– Да кто его знает, бриллиантовый ты мой. То, что от копыта, это верно, мать твою...

Проводник-казах попал в самую точку. Не знающий страха перед дорогой и трудностями татарин боялся того, что когда-нибудь его кости будут разбросаны по земле вдали от дома, и никто не сможет найти могилу, лишь стервятники будут рады его смерти. От одной этой мысли его бросило в дрожь.

– Ты нашего начальника не трогай. Уж кто-кто, а он не раз заглядывал смерти в глаза. Это еще когда мы ходили в Тибет, по России прополз слух, что-де «Пржевальский умер». Услышав такую весть, сам белый царь тогда сказал: во что бы то ни стало, а останки его должны быть привезены в столицу и преданы земле с почестями. И вот, когда мы вернулись в полном здравии, то, наверное, половина России встретила нас как призраков, вернувшихся с того света.

– Так у тебя, выходит, девять жизней? Паскуда... «Когда мы ходили на Тибет... ходили на Тибет...» Тоже мне... как будто в Лхасе кумыс пил, тещу твою за ноги!

– А кто тебе сказал, Мырзеке, что в Лхасе есть кумыс?

– Ну, есть там, наверное, ишачий кумыс, припасенный для тебя, сукин ты сын!

Татарин с заговорщицким видом, будто кто-то мог их здесь подслушивать, оглянулся по сторонам и только потом спросил:

– А ты... Сам не боишься, что можешь сгинуть в пути? Всякое может быть. Судьба. Случай... Места-то дикие.

– А чего мне бояться? Я же, как вы, не скитаюсь где попало. Семи смертям не бывать, одной не миновать. То, что суждено, то и примем покорно... А ты знаешь, шокынды⁸, татарскую поговорку: «Кто боится саранчи, тот не засеет поле». Даже если всерьез не воспринимать половину калмаков, что перемешались с найманами, то и здесь, и по ту сторону живут и найманы, и керей... Ну, а если тебе их мало, то и на двух берегах благословенной реки Каратал, и на песках Кзыл-Кума, и в горах Улытау живут найманы... Плюс ко всему я тут слышал, что один «ташкентский босьяк» тоже хвалился и называл себя Тортуыл найманом. Вот так вот.

Вспомнив приказ Пржевальского, толмач заискивающе взглянул на проводника.

– Вот что ты всё время твердишь «найман» да «найман». Неужели так трудно хоть изредка назвать себя казахом? Или у тебя во рту пересохнет от этого? Или язык почернеет?

– Ты посмотри на него! Долго думал, шакал? Если хочешь знать, то и у Чингисхана предки из казахского рода... А эти коротышки-монголы в грудь себя бьют. Тоже мне, герои, тещу твою в три оборота.

– Вот ты говорил, что Чингисхан принял смерть от кулана... Ты, наверное, знаешь, где его могила? Или тоже умеешь только себя в грудь бить и хвастаться?

– Знаю... Как не знать, непорочный ты мой. На Алтае... Лежит себе среди непроходимых дебрей, под высоким деревом. У изголовья его топор...

⁸ Крещеный; человек, принимающий христианство.

– Топор?.. Какой еще топор? Хоть здесь и леса, зачем усопшему топор?

– А ты какой топор имеешь в виду? Я говорю про найманов – из рода Балталы, значит, под знаком топора, тещу твою за ноги.

– А ты смог бы указать Пржевальскому, где этот топор лежит?

– Ну ты шустрый, прям как овод... А ты знаешь, что если кто-то увидит усыпальницу Чингисхана, тот тут же откинет свои копыта?

– А ты? Почему ты жив и здоров?

Не ожидавший такого вопроса коренастый казах раскатисто рассмеялся. И, пытаясь увести разговор в сторону, вытирая слезы рукавом, произнес:

– Мне всё равно, кто и когда умрет, чем живет, чем дышит, тещу твою за ноги. Ты же видел, что было вчера...

Кряхтя, проводник-казах с трудом поднялся с места, шагнул во тьму и исчез в темноте. Спустя некоторое время он вновь вынырнул из темноты, словно джин, неся что-то в руках.

– Как ты в такой тьме нашел аргала?

– Какой еще аргал? Это конский кизяк.

– Вокруг ни души, откуда ему здесь взяться?

– Куланы... Дикие лошади.

– Дикие, говоришь?

Услышав о диких лошадях, толмач-татарин подскочил на месте. Ойкнув, он прикусил язык, да так и остался сидеть как истукан.

Обогрившись у костра, оба некоторое время сидели молча и глядели, как горит сухой кизяк. Языки пламени нежно обволакивали каждый кусок, кизяк лишь потрескивал и отдавал свое тепло двум путникам. Посидев немного, казах стал шарить по своим карманам. Сколько их у него, этих карманов?.. Нашарив во внутреннем несколько кусочков курта – сушеного творога, он отправил один в рот и начал причмокивать от удовольствия.

Звуки, издаваемые казахом, отвлекли татарина от дум. Он удивленно уставился на своего собеседника.

– Слушай, а у вас кроме курта, айрана, бесбармака вообще есть еще что-нибудь?

– Ну почему нет, тещу твою за ноги... Есть, конечно. Кумыс, шубат, казы... Жал, жая... – Перечисляя все эти продукты и блюда, казах тяжело вздохнул. Наверное, в душе он сожалел, что всё это сейчас было далеко от этих мест.

– Ничего плохого не могу сказать насчет казы и карта. А вот кумыс и шубат – это ведь тот же самый айран. Ты лучше скажи мне вот что... Однажды в Турфанской долине встретились как-то казах и уйгур. Ну, и поспорили они, у кого больше наименований блюд. «У нас есть лагман», – принялся хвалиться уйгур. «А у нас бесбармак», – не отставал от него казах. «У нас есть шашлык...» – «А у нас кауап...» – «У нас есть самса...» – «А у нас бауырсак...» – «У нас есть люля-кебек...» Тогда казах, немного подумав, выкрикнул: «У нас айран-көже, молочное көже... даже есть пшеничное и кукурузное көже», и таким образом победил.

– И правильно, что выиграл. Ведь, если внимательно присмотреться к уйгурским блюдам, так то, что они называют шашлыком, – у нас селезенка, запеченная на углях. Самса – это наш бауырсак. Даже твой начальник везет на своих верблюдах перетолченное жареное зерно – наш талкан⁹. Вот это еда так еда! Мы, казахи, пухли с голоду только два раза. Когда на нас напали джунгары, и сейчас... А ты знаешь, чем питались раньше наши предки? Да пребудет с ними Аллах! Они знали толк в еде! Зимой – казы, бесбармак. Весной – нежное мясо молодого барашка. В жаркие летние дни – жеребята. Да... Ближе к осени коз-

⁹ Талкан – толокно.

лята набирают жир. А деды всё знали, всё подмечали. Когда и кого отправить в казан. Когда можно на выпас, какую траву лучше давать скотине, чтобы она вовремя нагуляла вес... Вот так вот.

Закончив свой гастрономический рассказ, коренастый лишь хмыкнул и замолчал. Словно дожидавшийся конца разговора, к костру снова подошел жеребец. В этот раз проводник дал ему отведать кусочек курта. Наблюдая, как конь, с хрустом разжевав, проглотил угощение, татарин вспомнил о наказе Пржевальского.

– Слушай. А какой породы твой жеребец? Умная скотина у тебя.

– Ты моего жеребца не тронь... Порода, говоришь, какая? Да обычная, наша местная, непорочный ты мой! – заметив смущение татарина, казах продолжил уже спокойным, ровным голосом. – Я уж думал, ты всё же ближе к нам, нежели к этим... – кивнул он в сторону лагеря. – Или ты совсем уже переметнулся? Порода, тещу твою в дышло? Да какая тут порода... Обычный казахский казанат¹⁰. Испокон веков наши предки разводили лошадей, вот таких, как этот сивый жеребец. Не жабы какой-нибудь, а настоящий казанат. Имеется в виду, настоящий тяжеловоз... Как раз той породы, предназначенной для твоего толстозадого начальника...

Разговор вновь вернулся в прежнее русло, и они, весело переговариваясь и время от времени похохатывая, продолжали любоваться огнем костра.

Видимо, жеребцу понравилось угощение, потому как он кружил вокруг них, то и дело поглядывая на своего хозяина. Татарин не сводил глаз с этого жеребца, черного, как воронье крыло, и так и не мог понять, как сивый превратился в черного. Поймав блуждающий взгляд толмача, казах расхохотался.

– Где твои глаза, тещу твою за ноги, торгаш? Или ты только деньги считать да тараторить умеешь? Ты что, и вправду не замечаешь попоны?

Только теперь татарин заметил черную попону, которой был накрыт жеребец. Всё ясно. Заметив за собой слежку, коренастый накрыл своего коня попной, таким образом замаскировав его.

– А если бы было светло?.. Что бы ты тогда сделал?

– Ну ты даешь!.. Как будто сам в молодости не ездил в гости по девкам, непорочный ты мой. Наверное, ни одна молодуха не подарила тебе вышитый платок. Эх ты... Уж я-то придумал бы что-нибудь. А попона?.. Ночью черного, утром, конечно, утреннего света. Раннего... Ха... ха...

Как только разговор зашел о молодухах, коренастый казах дал волю своему языку. Казалось, его фантазии хватало только на лошадей да на молодух.

После женщин речь зашла о барымте – конокрадстве, и татарин вспомнил случай, который произошел на Лобноре.

– Кстати, Мырзеке... тот случай на Лобноре. Помните? Вот скажите-ка мне, куда вы всё-таки дели ту кобылицу?

– Конечно же, помню. Как не помнить-то... Всё очень просто, проще не бывает... Как только я подъехал к ложине, то тут же завалил да зарезал ту самую кобылу, присыпал её землей, а сверху развел костер. А в костре сварился тот самый сурок – тарбаган. Голодные голодранцы напали на еду... Вот и всё. А что было потом, тещу твою за ноги, ты знаешь.

После того, как казах открыл татарину свою тайну, тот тоже решил не оставаться в долгу перед ним. Посмотрев по сторонам и подвинувшись поближе, он прошептал:

– Наш начальник давно хочет поймать дикого жеребенка. Ты, наверное, заметил, как он глядит на твоего жеребца? Если ему повезет, то ты даже не

¹⁰ Чистокровная скаковая порода лошади для верховой езды.

представляешь, сколько он будет стоять там, в России. Конечно, выпестовать такого скакуна займет время, но потом... Скачки. Ставки. А он, знай себе, будет лежать и лежать, а деньги к нему будут плыть рекой.

– Тоже мне, скачки... Да мне всё равно, чего он там хочет, тещу твою за ноги. Сам же видел, что твоя скотина? Ножом по горлу и в казан. Проглотил, а дальше сам знаешь куда. Вот ты знаешь о многолетней пшенице?.. Я ненароком слышал, что дунгане сеют такую.

– Насчет многолетней не знаю, а вот обычную пшеницу мы и сами сеем... Знаю, что дунгане мастера конопля и насыбай.

– Да нет... Про то, что вы сеете, я знаю. Мне бы тот сорт, что у дунган... Мы, казахи, далеки от торговли, не то что вы... торгоши чертовы. Вот когда наступит джут, как в этом году... Что ты на меня так смотришь? Если был однажды, значит, еще будет... А вот если бы у нас был такой сорт, как у дунган, тогда я бы посмотрел, тещу твою за ноги, кто будет лежать на боку. Эх...

Вникавший в каждое слово татарин заметил, как переменялся его собеседник. Шрам на лице проводника побагровел, глаза сузились, да и весь его вид стал странно напряженным. А казах, посидев так несколько секунд со своими потаенными думами, вдруг, раскинув руки в стороны, лег на спину. Словно уже нашел семена многолетней пшеницы и тем самым сделал огромное дело.

Толмач-татарин разворошил притухающий костер. Знакомый запах кизяка защекотал ноздри, вскружил голову. Почувствовав прилив тепла, вновь завел разговор.

– Я слышал, что дунгане готовят блюдо, которое называется дзамба... Так вот, это блюдо готовят из зерен растения, которое похоже на нашу пшеницу. И это растение многолетнее. Потом... В пустыне Гоби растет многолетнее растение сульхайр. Я не раз видел, как монголы осенью собирали его семена и перемалывали их в муку. Перемешай эту муку со сливочным маслом да заправь молоком, вот это вкусотища!

– Татарин, ты, наверное, имеешь в виду тот самый кумарчик, тещу твою за ноги? Так вот, толокно из его зерен тоже наше блюдо. Кстати, мы забыли сказать уйгурам да дунганам, что у нас еще талкан есть... Мне, например, непонятно, что думает твой начальник. Зачем он притащился сюда за тридевять земель? Чтобы искать верблюдов и тарпанов? Так их и так здесь много, чего их искать-то? Меня интересует совершенно другое... Вот набить бы мешки этим многолетним зерном и вернуться домой. Засеять поля возле Зайсана. Взять в жены синеглазую Маржу, непорочный ты мой... то есть Марфу. А она каждый год... каждый год... Эх... Чем не жизнь. Вот тогда и можно полеживать в юрте, тещу твою за ноги!

Довольный собой, коренастый казах раскатисто рассмеялся. Испугавшись шума, стая ворон с шумом взмыла в небо и долго кружила над голыми берегами реки.

Продолжение в № 12, 2024.